

Глава XVIII.

Историческое обозрѣніе заключительной части крещальнаго чина.

Обозрѣніе дѣйствій, входившихъ въ крещальный чинъ вслѣдъ за погруженіемъ до VIII вѣка. Совершенство заключительной части крещальнаго чина въ VIII—IX вв. Совершенство ея въ практикѣ греческой церкви съ XIII вѣка до настоящаго времени. Историческое обозрѣніе заключительной части крещальнаго чина въ практикѣ русской церкви. Разнообразіе въ совершеніи ея въ различные вѣки и въ одномъ и томъ же вѣкѣ. Особенности чисто русскія и заимствованныя. Постепенное водвореніе однообразія въ данномъ случаѣ.

Какъ чинъ, благодаря своему долговому существованію, вполне организованный, сложившійся въ округленное, законченное и стройное цѣлое, и заключающій не мало актовъ, предшествующихъ его рѣшительному моменту, — чинъ крещенія не можетъ сразу заканчиваться совершеніемъ послѣдняго. Главный моментъ его съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія крещальнаго чина, невольно долженъ былъ обставиться не только дѣйствіями, ему предшествующими, но и послѣдующими за нимъ. Въ такомъ видѣ мы дѣйствительно и видимъ крещальный чинъ еще съ древнѣйшаго времени. Съ дѣйствіями, предшествующими рѣшительному моменту крещальнаго чина, мы уже познакомились; теперь перейдемъ къ историческому обозрѣнію дѣйствій, заключающихъ чинъ крещенія; сдѣлаемъ только предварительно не большое замѣчаніе о способѣ этого обозрѣнія.

Бестественно, что заключительную часть крещальнаго акта можно разсматривать въ ея цѣломъ видѣ, постепенно

перехода отъ одного вѣка къ другому. Но такой способъ изслѣдованія имѣеть мѣсто въ данномъ случаѣ только съ VIII вѣка, когда мы имѣемъ возможность руководиться цѣльными чинопослѣдованіями. Что касается до исторіи ея ранѣе этого времени, то болѣе удобнымъ будетъ каждый актъ ея обозрѣть историческимъ путемъ въ его отдѣльности. Такое отступленіе въ данномъ случаѣ объясняется тѣмъ, что заключительные акты крещенія или, точнѣе говоря, заключительные обряды не находились до VII в. между собой въ тѣсной связи, а каждый изъ нихъ стоялъ болѣе или менѣе особнякомъ и притомъ не всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ цѣломъ крещальномъ чинѣ.

Въ настоящее время, по совершеніи таинства крещенія, церковь привѣтствуетъ крестившагося пѣніемъ 31 псалма, облачаетъ его въ бѣлыя одежды, возлагаетъ на него св. крестъ, даетъ ему въ руки зажженную свѣчу, совершаетъ шествіе съ нимъ вокругъ купели и наконецъ постригаетъ власи новопроевѣщеннаго. Въ практикѣ древней церкви въ данномъ случаѣ мы находимъ почти во все только что перечисленные дѣйствія, и кромѣ того, нѣкоторые другія, теперь уже оставленные.

Прежде всего остановимся на употребленіи 31 псалма. Не извѣстно положительно, съ какого именно времени стало практиковаться его употребленіе при совершеніи крещенія. Однако, нельзя сомнѣваться, что этотъ фактъ нужно отнести ко времени весьма древнему. Первые свидѣтельства объ употребленіи этого псалма при крещеніи относятся къ IV в. Такъ св. *Кириллъ Иерусалимскій* упоминаетъ на его пѣніе, когда говоритъ оглашеннымъ: „взмѣйтесь и чисти будете“..., дабы воззвалъ къ вамъ ангельскій ликъ: „блажени вѣже оставишася беззаконія“ (1). На этотъ же псаломъ, вѣроятно, намекаетъ и св. *Григорій Богословъ*, когда говоритъ крещаемому: „стояніе твоё предъ великимъ алтаремъ преобразуетъ небесную славу; вслѣдствіе, съ которыми примутъ тебя, есть начало небеснаго псаломнѣнія“ (2). Такимъ образомъ, положительно

(1) *Кириллъ Иерусалимскій* «Catech. 1», п. 1. Curs. Compl. Patrolog. Ser. Graec. Tom. XXXIII, col. 372.

(2) *Григорій Богословъ*. «Orat. in Sanct. Bapt.» p. XLVI. Curs. Compl. Patrolog. Ser. Graec. Tom. XXXVI, col. 495; ср. въ русск.

известно, что въ IV и V в. употребленіе 31 псал. уже входило въ крещальный чинъ. Но начало этого факта можно отнести къ болѣе раннему времени, и именно къ III вѣку. Основаніе для этого можно видѣть въ томъ, что свидѣтельства, представленныя нами, близки сами по себѣ въ III в., говорятъ объ употребленіи этого псалма не какъ о фактѣ новомъ, а уже общезвѣстномъ, и слѣдовательно, практиковавшемся далеко прежде. Съ другой стороны, за это говорить и то, что содержаніе 31 псалма, какъ нельзя болѣе, гармонируетъ съ употребленіемъ его въ заключительной части крещенія.

Понятно, что въ слѣдующее за V в. время—въ VI и VII вв.—онъ также былъ въ употребленіи, потому что въ VIII в. и дальше мы находимъ этотъ псаломъ въ крещальномъ чинѣ.

За отсутствіемъ свидѣтельствъ, нельзя сказать, сколько именно разъ пѣли этотъ псаломъ въ самомъ началѣ его употребленія. Но относительно начала VI в. положительно известно, что его пѣніе было троекратнымъ. По крайней мѣрѣ такъ положено въ чинѣ крещенія *Севера*, патриарха *Антиохійскаго* (1).

Въ какомъ порядкѣ слѣдовало это пѣніе послѣ погруженія,—также нѣтъ данныхъ относительно болѣе ранняго времени. Но нужно думать, что въ самое раннее время оно совершалось не точно такъ же за крещеніемъ, какъ это дѣлается теперь. Въ древности это пѣніе отдѣлялось отъ крещенія автомъ, теперь уже не практикующимся,—и именно! новопосвященные въ первый разъ читали въ это время молитву Господню. Указаніе на это чтеніе мы находимъ за

пер. «Творен. св. отецъ», т. III, стр. 321. На то же самое, по всей вѣроятности, указываютъ и слѣдующія слова того же отца и въ томъ же словѣ: «Блаженіи ихже оставишася беззаконіа» (пс. 31, 1), говоритъ онъ (Давидъ) о совершенномъ очищеніи (т. е. о крещеніи) и «ихже прирѣшася грѣхи»,—о тѣхъ, у которыхъ внутреннее еще не очищено. Блаженъ мужъ, ему же не виѣнать Господь грѣха» (2).—это какъ бы третій разрядъ согрѣшающихъ, которыхъ дѣла не похвальны, во сердце не повинно. Curs. Compl. Patrol. Ibidem. col. 405. Въ рус. пер. ibidem, стр. 306.

(1) *Северъ* Антиох. Vid. Curs. Compl. Theolog. Tom. XXI col. 1199.

III в. въ Апостольскихъ Постановленіяхъ ⁽¹⁾ и за IV в. у св. *Златоуста* ⁽²⁾.

Начало произношенія молитвы Господней крещаемымъ лицомъ, по всей вѣроятности, нужно отнести еще къ апостольскому времени, если принять во вниманіе слѣдующее соображеніе. Всякій актъ христіанскаго богослуженія необходимо долженъ слагаться изъ двухъ элементовъ—объективнаго и субъективнаго. Въ таинствѣ крещенія первымъ элементомъ, дающимъ силу таинству, очевидно, „должна служить формула, произносимая совершителемъ таинства во время погруженія крещаемаго лица,—а что касается до элемента субъективнаго, который составляетъ выраженіе личныхъ чувствъ и желаній какъ со стороны совершителя таинства, такъ и со стороны того, надъ кѣмъ таинство совершается, то имъ, очевидно, искони должна служить молитва“ ⁽³⁾. Такимъ образомъ, вообще молитва со стороны крещаемаго требуется крещальнымъ чинемъ по самому существу дѣла. Въ данномъ случаѣ это гѣмъ болѣе должно было случиться, кто, по задѣчанію евангелиста Луки, I. Христосъ непосредственно послѣ своего крещенія, молился, хотя не извѣстно, въ чемъ выразилась эта молитва (III, 21). Нѣтъ сомнѣній, что этотъ примѣръ Спасителя не прошелъ бесслѣдно, да и странно было бы думать, чтобы онъ остался безъ подражанія. Апостолы по совершеніи надъ кѣмъ-либо крещенія, дѣйствительно, требовали отъ крестившагося, чтобы онъ вознесъ молитву къ Богу. Говоря такимъ образомъ, мы основываемся на фактѣ, передаваемомъ въ Дѣяніяхъ Апост. Ам. Павелъ, рассказывая о своемъ обращеніи, говоритъ, что

⁽¹⁾ «Constit. Apostol. Lib. VII, cap. XLIV. Curs. Compl. Patrol. ser. Graec. Tom I, col. 1045; ср. «Апост. Постан.» въ рус. пер., стр. 243.

⁽²⁾ *Златоустъ*. «Homil. in Coloss. IV», п 4 Curs. Compl. Patrolog. Ser. Graec. Tom LXII, col. 342. Въ рус. пер., Сиб. 1859, стр. 102: Восходя отъ купели, говоритъ А. Злат., онъ (т. е. крещаемый) тотчасъ говоритъ сіи слова: «Отче нашъ, яко еси на небесахъ...».

⁽³⁾ *Смирновъ*. «Вромх. и литургич. зарант. таинствъ». Труд. Изв. Дух. Акд. 1874 г., т. IV, стр. 390.

къ нему пришелъ Ананіа и между прочимъ сказалъ: „что ти медлишь? Встань, крестись и омой грѣхи свои, призвавъ имя Господа Исуса“ (Дѣян. XXII, 16). Последнія слова, очевидно, указываютъ на тотъ именно фактъ, что въ апостольской крещальной практикѣ молитва со стороны крещаемого составляла одну изъ элементовъ совершенія послѣдняго. Представленныя слова Ананіа, между прочимъ, не говорятъ ясно, въ чемъ должна состоять эта молитва и трудно потому сказать, долженъ ли быть ад. Павелъ вознести молитву въ своихъ собственныхъ словахъ, или же какую-нибудь опредѣленную, сформулированную молитву. Рѣшеніе этого вопроса отчасти зависитъ отъ того, какому чтенію слѣдовать относительно послѣднихъ словъ Ананіа. Въ славянскомъ и русскомъ переводахъ сказано: „призвавъ имя Господа Исуса“; въ греческомъ подлинникѣ въ некоторыхъ изданіяхъ, а также въ Вулгатѣ—„призвавъ имя Господа“; въ некоторыхъ же кодексахъ только — „имя Его“. Если принять послѣднее чтеніе, т. е. чтеніе, гдѣ говорится только „призвавъ имя Его“, каковыя слова по контексту рѣчи нужно отнести къ начальнымъ словамъ рѣчи Ананіа, гдѣ онъ говоритъ: „Богъ отецъ нашихъ“,—и если принять во вниманіе практику послѣдующаго времени, то можно утвердительно сказать, что подъ словами „призвавъ имя Его“ нужно видѣть молитву Господню „Отче нашъ“. Какую молитву нужно будетъ разумѣть, произносимую своими словами, или строго формулированную, если принять чтеніе первое т. е. „призвавъ имя Господа“ или „Господа Исуса“, рѣшить весьма трудно, но скорѣе всего нужно предполагать молитву субъективную (произносимую своими словами), потому что въ богослуженіи время апостоловъ преобладало духъ свободы.

Чтеніе молитвы Господней, нужно думать, практиковалось въ данномъ случаѣ сравнительно не долго и именно не далѣе V в. Мы говоримъ такъ потому, что этотъ актъ при принатіи крещенія могъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда крещеніе принималось возрастнымъ; при крещеніи же младенцевъ онъ терялъ всякое значеніе. Последній же фактъ, какъ мы увидимъ ниже, вошелъ въ силу во всеобщую практику именно около V вѣка. Такимъ образомъ, на основаніи этого соображенія, смѣло можно заключать,

что уже въ VI в. шѣше 31. псалма слѣдовало непосредственно за крещеніемъ. Это: какъ нельзя болѣе подтверждается вышеуказаннымъ нами чиномъ крещенія *Стефа патр. Антиохійскаго*, гдѣ отнесеніе этого акта въ погруженію со стороны послѣдовательности во времени совершенія излагается именно въ послѣднемъ видѣ (1).

Послѣ окончанія пѣнія псалма „блаженни иже оставиша беззаконія“..., согласно современному порядку крещеннаго чина, на крещаемого надѣвается бѣлая одежда. Обычай этотъ существовалъ и въ пралѣтніе дренней церкви, хотя не извѣстно, съ какого именно времени. Первое свидѣтельство объ этомъ фактѣ мы находимъ только во второй половинѣ III вѣка. Въ этотъ періодъ времени крещаемые облачались въ бѣлую одежду и носили ихъ въ теченіе весьма длія, о чемъ свидѣлствуютъ акты мученичества св. Генезія, пострадавшаго около 286 года (2).

Въ настоящее время это надѣваніе бѣлой одежды считается обозначеніемъ чистоты души и тѣла и той некорочной жизни, какую принявшій крещеніе долженъ вести послѣ вступленія въ христіанское общество (3). Очень естественно, что и церковь, вводя этотъ обрядъ при крещеніи, преслѣдовала ту же цѣль. Не споря всего нужно думать, что облачая новокрещеннаго въ одежды бѣлаго цвѣта, служащаго по общечеловѣческому воззрѣнію символомъ чистоты, церковь хотѣла наглядно представить ту чистоту души, съ какою вопрошеваемый исходитъ изъ купели крещенія. Нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что внѣшнимъ мотивомъ во введенію этого обряда послужило желаніе настоярей сдѣлать возможно болѣе торжественнымъ вступленіе новаго члена въ христіанское общество.

Въ IV и V вв. облеченіе въ бѣлую одежду было общаеъ уже общинамъ и на востокѣ и на западѣ. *Кириллъ Герусалемскій* говоритъ объ этомъ обрядѣ слѣдующее: „со-

(1) Vid. Migne. Curs. Compl. Theolog. Tom. XXI, col. 1199.

(2) Дук. Баседа, 1873 г., т. I, 363.

(3) *Амвросій* (пером.). „Крещ. по чину правосл. церк.“, Серви. 1862 г. кн. I, стр. 45.

Алексии съ себя ветхія ризы и облечшись въ духовныя бѣлыя, надлежать всегда быть облеченнымъ въ бѣлое. И безъ сомнѣнія, разумѣемъ не то, что тебѣ должно всегда облекаться въ бѣлыя одежды, но что необходимо тебѣ быть облеченнымъ въ то, что поидинно бѣло, свѣтло и духовно“ (1). *Григорій Назіанзинъ* въ одномъ изъ своихъ словъ съ укоризною говоритъ о тѣхъ, которые надъ предлогомъ нечисти бѣлыхъ одеждъ для врененія откладывали на неопредѣленное время и самое крещеніе (2). *Св. Амвросій Медиоланскій* говоритъ: „ти принявъ бѣлыя одежды въ знакъ того, что совлеиъ съ себя покрывале грѣховъ и облечи въ чистоту и бѣлыя одежды оправданія“ (3).

Сопровождалось ли въ это время облеченіе бѣлою одеждою какими другими дѣйствіями,—не извѣстно. Но въ слѣдующее время при этомъ обрядѣ произносились нечѣстныя слова. У *Григорія Великаго* они между прочимъ передаются такъ: „прими бѣлую и чистую одежду, носи ее вселверну предъ судилищемъ Господа нашего Иисуса Христа, да инаши жизнь вѣчную, аминь“ (4).

Одежды эти носились новопросвѣщенными въ теченіи 7 дней, при чемъ церковью запрещалось въ это время раз-

(1) *Кирилл. Іерус.* «Catech. mystog» IV, n. 8. *Curs. Compl. Patrol. Ser. Graec. Tom. XXXIII, col. 1104; ср. Твор. Кирил. Іерус.* въ рус. пер., стр. 370.

(2) *Григор. Наз.* «Orat. in Sanct. Bapt.», n. XXV. *Curs. Compl. Patrol. Ser. Graec. Tom. XXXVI, col. 393; въ рус. пер. Твор. св. отц.* т. III, стр. 297.

(3) *Амвросій Медиол.* «De mysteriis», cap. VII, n. 34. *Curs. Compl. Patrol. Ser. Lat. Tom. XVI, col. 399. Accipisti... vestimenta candida, ut esset indicium quod exueris in volucrum peccatorum, indueris innocentiae casta velamina.*

(4) *Bingham.* «Antiquit. Eccles. Tom. IV, pag. 385. «Ordo Roman. de S. Sabbato»: «Deportantur ipsi infantes ad cam (coepiratio- щему крещенію) et dat singulis stolam candidam... dicens: «Accipe vestem candidam et immaculatam, quam perferas sine macula ante tribunal Domini nostri Iesu Christi, ut habens vitam aeternam, amen».

облачаться, а тѣмъ болѣе омываться⁽¹⁾. Въ день же 8-й они являлись въ храмъ, гдѣ священникъ разоблачалъ ихъ⁽²⁾.

Съ облеченіемъ въ бѣлыя одежды соединилось послѣдствіемъ возложеніе на новопросвѣщаемаго креста. Что послужило поводомъ къ введенію этого обычая, — вопросъ трудный. Однако, кажется, довольно вѣрно этотъ вопросъ можно рѣшить такимъ путемъ. Разсматриваемый нами христіанскій обычай — ношеніе креста, какъ и многіе другіе обычаи христіанскіе, имѣютъ соответствующее ему аналогичное явленіе въ бытовой жизни всего человѣчества. Известно, что всѣ народы въ предостереженіе отъ болѣзней и несчастій, отъ дѣйствія сверхъестественной и враждебной силы имѣли и имѣютъ обыкновеніе носить такъ называемыя „амулеты“ или „талисманы“, небольшія вещицы, сдѣланныя или изъ металловъ, или изъ драгоценныхъ камней или изъ другаго каковаго-нибудь вещества, такъ напр., у Римлянъ дѣти, а иногда и женщины, носили на груди изъ золота или кожи (смотря по состоянію) медальоны, въ которыхъ заключались въ смыслѣ талисмановъ пластинки изъ металла или куска пергамента съ различными формулами заклинаній противъ недуговъ, отравы, злополучій. Этрурыне, предшественники Римлянъ по мѣсту жительства, также носили талисманы. Греки также не составляли исключенія въ этомъ случаѣ. Особенно этотъ обычай былъ распространенъ на Востокѣ. У Вавилонянъ, Ассиріянъ, Египтянъ и др. древнихъ народовъ востока амулеты, и при томъ самыя разнообразныя, были въ большомъ употребленіи⁽³⁾. Арабы и теперь не только себя обвѣщиваютъ талисманами, но даже и домашнихъ животныхъ⁽⁴⁾.

(1) Рубцовъ, «О таин. Крещенія». Спб. 1850 г. стр. 88.

(2) См. ниже.

(3) Фридрихъ, «Римскія монеты», ч. II, М. 1877, стр. 91. У Диодора въ настоящее время каждый мужчина и женщина непременно носятъ амулетку («Истор. разсг.» т. II, стр. 208).

(4) Фридрихъ, «Римск. монеты» ч. II, М. 1877, стр. 91. Такая распространенность обычая носить амулеты объясняется тѣмъ, что у каждаго народа (особенно въ средѣ восточныхъ народовъ) тому или другому металлу или камню всегда придавалось

Руководясь этой аналогіей разсматриваемаго нами христіанскаго обычая съ однимъ изъ фактовъ въ бытовой жизни всего человѣчества, можно, кажется, на введеніе его смотрѣть отчасти какъ на замѣну всегда употреблявшихся амулетовъ или талисмановъ; — введеніе это совершилось естественно, само собой, благодаря всеобщему и исконному обычаю носить на себѣ послѣдніе. Такое объясненіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что у многихъ древнихъ историческихъ народовъ, какъ напр. Грековъ, Римлянъ и др. амулеты имѣли вполнѣ религіозное значеніе, такъ какъ ими служили изображенія нѣкоторыхъ языческихъ боговъ⁽¹⁾.

Конечно, вводя этотъ обычай въ христіанскую практику, пастыри церкви стали придавать ему и вполнѣ христіанское значеніе. Можно думать, что этимъ актомъ, т. е. надѣваніемъ на новопросвѣщеннаго креста, церковь какъ-бы давала ему вооруженіе, которымъ онъ долженъ былъ ограждать себя противъ искушеній и нападеній врага рода человѣческаго — діавола, а можетъ быть, хотѣла внушить крещаемымъ, чтобы они никогда не забывали, что они христіане.

извѣстное символическое значеніе, напр., тошакъ — усмирять бури морскія, гинцпять — предохранять людей отъ молніи; аматистъ — останавливаетъ кровь; яспъ помогаетъ женщинамъ въ родахъ и лечитъ отъ лихорадки, и т. д., и т. д. (*Шепкинъ. «Символика драгоценныхъ камней». «Древности». Труд. Москов. археологич. общ. т. I, 1865—67, стр. 135—152).*

⁽¹⁾ *Фрикенъ. «Рим. Катакомбы». Ч. II, М. 1877, стр. 91.* Правда, здѣсь можно представить для происхожденія обычая носить крестъ и другое объясненіе. Кромѣ аналогіи съ фактомъ изъ бытовой жизни человѣчества, онъ имѣетъ еще соотвѣтствіе съ однимъ изъ обычаевъ въ исторіи мистеріальныхъ культовъ. Извѣстно, что въ древнемъ мірѣ у людей, посвященныхъ въ мистеріи, были въ употребленіи особыя условныя знаки, которые служили имъ, чтобы узнавать другъ друга, напоминали открытое мѣсто, равно же и обѣты, даваемые при этомъ. (*Фрикенъ. Ibidem, стр. 47.*) Такимъ образомъ можно думать, что заимствующій весь христіанскій обычай введенъ какъ противодѣйствіе послѣднему обычаю. На кажется, что выше представленное нами объясненіе имѣетъ болѣе вѣроятія.

Не менѣе трудный вопросъ представляетъ собою и опредѣленіе времени возникновенія разсматриваемаго обычая. Что это случилось слишкомъ рано, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи,—но когда именно, опредѣленно отвѣтить нельзя. Монументальный крестъ, въ томъ самомъ видѣ какъ онъ есть теперь, появился, какъ извѣстно, только уже съ IV в. Извѣстно, напр., что уже императоръ Константинъ помѣстилъ въ своемъ дворцѣ въ Константинополѣ и возлѣ гробницы св. апостола Петра въ Римѣ крестъ, усѣянный драгоценными камнями⁽¹⁾. Ближе къ пятому вѣку, уже были въ употребленіи такъ называемые наперсные кресты съ различными надписями, какъ напр. „*scix est vita mihi, mors inimice tibi*“⁽²⁾. Въ VI же в. кресты для ношенія на груди были въ повсюдномъ употребленіи; извѣстно напр., что *Григорій В.* послалъ Теоделиндѣ, королевѣ Ломбардской, два плоскихъ медальона для ношенія на груди съ изображеніемъ на нихъ распятія. Извѣстно также, что онъ же той же королевѣ и другимъ значительнымъ лицамъ посылалъ крестъ для ношенія на груди. На основаніи всего этого введеніе разсматриваемаго обычая смѣло можно отнести къ концу IV или началу V в. За такое предположеніе вполне ручается тотъ фактъ, что первое свидѣтельство, которое мы находимъ въ данномъ случаѣ, относится именно къ этому времени. Свидѣтельство это принадлежитъ *Златоусту*. Приказавъ нѣкоторыхъ женщинъ за суевѣріе, выражавшееся въ томъ, что онѣ на просвѣщенныхъ крещеніемъ младенцевъ возлагали различные амулеты онъ говоритъ: „не слѣдуетъ возлагать на младенцевъ ничего, кромѣ спасительнаго креста“⁽³⁾.

⁽¹⁾ *Фрикенъ*. Римскія катакомбы. Ч. II, М. 1877, стр. 151.

⁽²⁾ Таковъ крестъ V в., найденный въ храмѣ св. Лаврентія. (Гр. *Уваровъ*. «Византійскій наперсный крестъ V или VI в.» «Древности». Труды Москов. археол. общ. М. 1865—67, стр. 101—104.

⁽³⁾ *Златоустъ*. «Homil XII, in. 1 Corinth». Curs. Compl. Patrol Ser. Graec. Tom. LXI, col. 105; въ русск. пер. «Бес. Злат. на 1 Кор.» ч. I. Сиб. 1858, стр. 220—221. Замѣтимъ между прочимъ, что относить начало разсматриваемаго обычая къ болѣе ран-

Въ разсмотрѣнномъ актѣ, согласно современному совершенію крещальнаго чина присоединяется еще такой актъ: новопросвѣщенному дается въ руки (¹) зажженная свѣча, держа которую, онъ, вмѣстѣ съ воспріемникомъ, обводится священникомъ трижды вокругъ купели, при пѣніи: „Елицы во Христа крестистесе, во Христа облекостесе, аллилуія“. Въ практикѣ древней церкви были и эти всѣ обряды.

Что новопросвѣщенные держали въ рукахъ зажженные свѣчи, объ этомъ свидѣтельствуетъ *Григорій Богословъ*, когда говоритъ: „возжигаемая тобою (новопросвѣщеннымъ) лампада таинственно образуетъ тамошнее (небесное) свѣтоводство, съ которымъ мы — свѣтлыя и дѣвственныя души — съ свѣтлыми свѣщами вѣры выйдемъ въ срѣтеніе жениху Христу, не предаваясь дремотѣ, по безпечности“ (²). Св. *Кириллъ Іерусалимскій* называетъ крещальные свѣтильники „брачными“ (³). Мало этого, въ древности обычай держать при крещеніи свѣчи былъ такъ общеупотребителенъ, что не только крещающіеся, но и ихъ воспріемники и предстоящіе всѣ держали въ рукахъ свѣтильники и были въ бѣлой одеждѣ. По крайней мѣрѣ, такъ было при крещеніи вид-

ному времени итѣ основаній. Правда, еще въ половинѣ III вѣка крестное знаменіе употреблялось при всѣхъ даже самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, какъ свидѣтельствуетъ *Тертуліанъ*, но монументальнаго креста въ это время еще не было и даже изображенія его на этотъ разъ были исключительно въ видѣ равнообразныхъ монограммъ. (*Фрикенъ*, «Римск. катакомбы». Ч. II, стр. 137—151). Положимъ, въ житіяхъ мучениковъ, не только въ началѣ IV в., но даже еще въ III в. упоминается иногда о пошени на груди креста («Мин.-Четьи», дек., 13 день, июль 8—день), но итѣ никакихъ основаній согласиться съ тѣмъ, чтобы это были кресты въ томъ роѣ, какъ теперь.

(¹) Если онъ возрастной, а если крещаемый младенецъ, то зажженную свѣчу принимаетъ воспріемникъ младенца.

(²) *Григорій Назіанзъ*. «Orat. XL in Sanct. Bapt.», п. 46. Curs. Compl. Patrol. Ser. Graec. Tom. XXXVI, col. 425; сравн. въ рус. переводѣ «Твор. св. отц.» М. 1844, стр. 321.

(³) *Кириллъ Іерусал.*, «Praefat.», п. III. Curs. Compl. Patrol. Ser. Graec. Tom. XXXIII, col. 340; сравн. «Твор. Кирилл. Іерусал.» въ рус. пер., стр. 9.

ныхъ лицъ. Такъ *Маркъ Газскій*, описывая крещеніе *Теодосія младшаго*, между прочимъ говоритъ: „когда *Теодосій* былъ окрещенъ и изъ церкви пошелъ во дворець, тогда снова можно было видѣть великолѣпнѣе вельможъ и блистательную ихъ одежду. Всѣ были въ бѣлыхъ одеждахъ, такъ что уподоблялись множеству бѣлаго снѣга. Впереди шелъ *Патрикій*, вельможи и вся знать съ военными чиновниками, и у всѣхъ были восковыя свѣчи, такъ что представлялось, будто видишь на землѣ звѣзды“⁽¹⁾.

Всѣ представленныя нами въ данномъ случаѣ свидѣтельства относятся къ IV и V вѣк. Это однако не значитъ, что разсматриваемый нами обычай появился въ это именно время. Нисколько не сомнѣваясь, его происхожденіе можно отнести къ болѣе раннему времени. Правда, въ подтвержденіе этого мы не имѣемъ ясныхъ свидѣтельствъ, но къ такому предположенію приводить то соображеніе, что „у всѣхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, хотя бы совершенно разобщенныхъ между собою, огонь всегда служилъ символомъ радости, и яркіе огни факеловъ и лампадъ были всегдашними сопутниками религиозныхъ торжественныхъ актовъ. Въ послѣднемъ случаѣ людьми всѣхъ странъ руководила одна, такъ сказать, врожденная человѣчеству мысль: „божество — источникъ свѣта — чествовать свѣтомъ“⁽²⁾. Такимъ образомъ, обычай древней церкви давать новопросвѣщенному зажженную свѣчу въ своей основѣ имѣетъ общечеловѣческое возарѣніе на свѣтъ, какъ символъ радости и одинъ изъ естественныхъ способовъ чествованію божества. Отсюда же понятно, что начало этого обычая нужно искать въ самыхъ первыхъ вѣвахъ христіанства. Къ тому же, при совершеніи крещенія, въ катакомбахъ этотъ обычай былъ даже просто необходимъ.

Какъ и при облаченіи въ бѣлыя одежды, такъ равнымъ образомъ и при врученіи новопросвѣщенному свѣчи на западѣ, нужно замѣтить, къ IX в. явился обычай произносить извѣстныя слова⁽³⁾.

⁽¹⁾ *Baronius*. «*Annales*». Tom V. an. 401. ed. 1740, pag. 361.

⁽²⁾ «*Истор. религіи*», т. V, стр. 163—164.

⁽³⁾ *Augusti*. «*Denkwurdigkeiten*». Band. VII, s. 316.

Къ этому обряду, служившему символомъ радости, также какъ и теперь, изъ глубокой древности примыкало кругообразное шествіе вокругъ купели. Правда, ясныхъ свидѣтельствъ относительно существованія этого акта въ древней крещальной практикѣ намъ не сохранилось. Однако, согласно мнѣнію *Гвара*, основыванному на нѣкоторыхъ косвенныхъ указаніяхъ твореній *Златоуста* и *Григорія Бюсслова* (1), несомнѣнно, что уже въ IV в. практиковался и этотъ актъ. Появленіе его въ крещальномъ чинѣ вполне естественно. Кругъ, какъ равнымъ образомъ и свѣтъ, у всего человѣчества, на всѣхъ ступеняхъ его развитія, служилъ естественнымъ символомъ и выраженіемъ духовной радости. Поэтому, какой бы мы ни взяли богослужебный культъ, въ его торжественныхъ религіозныхъ церемоніяхъ мы непременно найдемъ и это кругообразное шествіе. Отсюда, появленіе послѣдняго при крещеніи—торжественномъ религіозномъ актѣ—возникло само собою, благодаря соотвѣтствію значенія круга въ общечеловѣческомъ воззрѣніи на него и внутренняго значенія крещальнаго акта для принимающаго его.

Что касается до пѣнія пѣсни: „Елицы во Христа крестастеса“, то за употребленіе его въ древней церковной практикѣ говорить то обстоятельство, что въ послѣдующее время эта пѣснь употребляется на литургіи въ тѣ именно дни, которые въ древности были днями, по преимуществу назначенными для крещенія. Можно только думать, что благодаря тѣсному соединенію чина крещенія съ совершеніемъ литургіи, въ древней практикѣ, быть можетъ употребленіе этой пѣсни относилось болѣе къ чину литургіи, чѣмъ къ чину крещенія.

По троекратномъ обхожденіи крещаемого вмѣстѣ съ воспріемникомъ, въ настоящее время слѣдуетъ чтеніе Апостола и Евангелія. Свидѣтельство объ этомъ актѣ заключительной части крещальнаго чина мы не находимъ въ разсматриваемый нами теперь періодъ, т. е. до VIII в. На этомъ основаніи мы имѣемъ полное право думать, что этотъ актъ не имѣлъ мѣста въ древнемъ крещальномъ чинѣ. Это, однако, не значитъ, что въ настоящее время церковь слѣ-

(1) *Goar. «Евѡлог.»*, pag. 302.

дала положительное нововведеніе, присоединивъ къ крещальному чинопослѣдованію чтеніе Апостола и Евангелія. Въ древней практикѣ, какъ извѣстно, совершеніе крещенія соединялось съ совершеніемъ литургіи, за которою новопросвѣщенные и приобщались св. таинъ. При послѣдней же изъ самой глубокой христіанской древности существовало чтеніе Св. Писанія. Благодаря этому, въ древней крещальной практикѣ употребленіе чтенія Апостола и Евангелія было отчасти излишне въ чинѣ крещенія. Но съ теченіемъ времени, со введеніемъ во всеобщую практику крещенія дѣтей, когда крещеніе въ своемъ совершеніи мало по малу вышло изъ тѣсной непосредственной связи съ совершеніемъ литургіи, — чтеніе Апостола и Евангелія стало необходимымъ и въ чинѣ крещенія.

Въ современной практикѣ ко всемъ этимъ актамъ присоединяется, наконецъ, крестообразное постриженіе волосъ на головѣ младенца. Историческія свѣдѣнія относительно существованія этого обряда въ практикѣ древней церкви въ высшей степени скудны. Въ данномъ случаѣ за рассматриваемое время сохранилось только одно свидѣтельство, да и то принадлежитъ западной церкви, а не восточной, относится сравнительно къ позднему времени и притомъ свидѣтельство для нашей цѣли слишкомъ недостаточное. Именно въ сакраментаріи *Григорія В.* сохранились молитвы, имѣющія отношеніе къ постриженію младенца, — и болѣе ничего⁽¹⁾. Такимъ образомъ, вопросы, по какому поводу вошелъ этотъ обрядъ въ крещальную практику, когда вошелъ, и какъ совершался до VIII—IX вв., остаются совершенно неразъясненными и отвѣчать на нихъ приходится только на основаніи соображеній. Относительно перваго вопроса и въ данномъ случаѣ, кажется, можно сказать тоже самое, что мы сказали въ подобныхъ случаяхъ и выше. Волосы, какъ и многіе другіе предметы, играли весьма важную роль во всехъ религіяхъ древняго востока, въ греко-римскомъ европейскомъ язычествѣ, магометанствѣ и іудействѣ⁽¹⁾.

(1) Vid. *Goar., Eucholog.,* pag. 308.

(2) «Ист. религіи», т. IV, стр. 281.

Египетскіе жрецы, напр., согласно требованіямъ ихъ религіи, обязательно чрезъ каждые три дня стригли и брили свои волосы (¹). По ученію Зороастра стричь волосы должно всегда при совершеніи извѣстныхъ молитвъ (²). Греки при печальныхъ религіозныхъ празднествахъ стригли волосы (³). Въ подобномъ же родѣ факты есть и въ исторіи религій другихъ народовъ. При этомъ, съ одной стороны, у многихъ языческихъ народовъ принесеніе какому-нибудь божеству своихъ волосъ значило отдать себя подъ покровительство этого божества (⁴); съ другой стороны, — фактъ перваго постриженія былъ почти всегда фактомъ религіознымъ. Такъ, напр., прежде всего было у Грековъ, какъ свидѣтельствуемъ *Аванасій Александрійскій* (⁵). У Римлянъ, по всей вѣроятности, было тоже самое. У Индійцевъ и до настоящее время первое постриженіе дитяти, совершаемое на третьемъ году его жизни, сопровождается очень сложнымъ религіознымъ обрядомъ (⁶). Славяне въ этомъ отношеніи также не составляютъ исключенія (⁷). На этомъ основаніи, поводомъ ко введенію въ христіанскую вращальную практику разсматриваемаго обряда можно и здѣсь признать это почти общечеловѣческое воззрѣніе на значеніе перваго постриженія волосъ младенца. Такимъ образомъ, христіанскій обрядъ постриженія послужилъ замѣною практиковавшагося у язычниковъ перваго постриженія. За такое объясненіе говорить слѣдующее свидѣтельство, которое мы находимъ у *Баронія* подъ 684 г.: „Въ этомъ году, говоритъ онъ, Константинъ цезарь, не задолго до смерти своей, по-

(¹) «Ист. религія», т. IV, стр. 142.

(²) *Ibidem*, т. III, стр. 161.

(³) *Ibidem*, т. IV, стр. 307; ср. т. VI, стр. 148. 277.

(⁴) Такъ, напр., было у Грековъ и Римлянъ. (*Ibidem*, стр. 51).

(⁵) *Аванас. Александрійск.* «Quest. in Scriptur. XXXIII». *Εἰδοῦσι γὰρ οἱ Ἕλληνες καὶ ἀποκτείνει τῶν παιδῶν τὰς κορυφὰς καὶ τοὺς μαλοὺς ἔαν, καὶ τοὺτους μετὰ χρόνον ἀνατιθέναι τοῖς δαίμοσιν.* *Curs. Compl. Patr. Ser. Gr. Tom. XXVIII, col. 720.*

(⁶) «Ист. религія», т. I, стр. 50—51.

(⁷) *Дмитріевскій.* «Богосл. въ рус. перьяхъ въ XVI в.» т. I, стр. 314—315.

сладъ папѣ Бенедикту руно, т. е. волосы перваго пострига, своихъ сыновей — Юстиніана и Геракліл; это значило по тогдашнему обычаю, что они избирають его своимъ духовнымъ отцомъ и обязуются повиноваться его совѣтамъ и наставленіямъ“ (1). Сообразно съ значеніемъ передаваемого здѣсь факта, очевидно, что упоминаемый въ этомъ свидѣтельствѣ первый постригъ имѣлъ связь съ крещеніемъ. Но названіе послѣдняго скорѣе всего напоминаетъ, кажется, не христіанское постриженіе, а постригъ, практиковавшійся у грековъ-язычниковъ, а это-то и говоритъ за замѣну послѣдняго первымъ. Понятно, что входя въ христіанскую практику, обрядъ постриженія получилъ и соотвѣтствующее тому значеніе, которое прекрасно выражено у *Симеона Солунскаго* въ такихъ словахъ: „(архіерей) постригаетъ крестообразно волосы на головѣ крещаемаго, частью въ знаменіе того, что главою своею онъ имѣетъ Христа и что долженъ онъ молиться съ непокрытой головою, какъ и Павелъ учить (1 Кор. XI, 4); а вмѣстѣ съ тѣмъ и возлагая такимъ образомъ какъ бы нѣкоторую печать; почему и постригаетъ крестообразно, чтобы онъ отвергъ всякій лишній помысль. Съ этою мыслью и монахи постригаются; и всякій вѣрный долженъ удалаться всего излишняго и не необходимаго. Кромѣ того волосы крестившагося приносятся Христу, какъ начатокъ и жертва отъ человѣческаго тѣла: ибо они суть какъ бы воскресеніе отъ всего тѣла“ (2).

Что касается до того, въ какое время постриженіе волосъ вошло въ христіанскую практику, то это можно отнести къ IV—V в. За это, съ одной стороны, говоритъ тотъ фактъ, что въ VIII в. мы находимъ соотвѣтствующія этому акту, вполне сформулированныя молитвы, а съ другой — тотъ, что крещеніе младенцевъ, къ которымъ главнымъ образомъ приложимъ разсматриваемый обрядъ, вошло во всеобщую практику именно въ это время. Самое постриженіе, какъ обрядъ христіанскій, можно думать, и на первыхъ по-

(1) *Baronius*. «Annales», Tom. XII, pag. 71.

(2) *Симеонъ Солун.*, «De Sacramentis», cap. LXVII, Curs. Compl. Patrol. Sér. Græc. Tom. CLV, col. 282; въ рус. пер. «Виз. отд. и учит. относ. къ истолков. богосл.», томъ II, стр. 71—72.

рахъ совершалось крестообразно. Въ какое время постриженіе было совершаемо въ древней практикѣ, — тотчасъ ли послѣ совершенія крещенія и муропомазанія, или же чрезъ нѣсколько времени, указаній на это никакихъ нѣтъ.

Кромѣ только что разсмотрѣнныхъ актовъ, свою совокупностію теперь составляющихъ значительную часть крещенія и почти всѣхъ входившихъ въ крещальный чинъ древняго времени, въ древности къ нимъ присоединялись еще нѣкоторые обряды, теперь уже вышедшіе изъ крещальной практики.

Къ такимъ обрядамъ прежде всего относится надѣваніе на голову новокрещеннаго вѣнка. Указаніе на этотъ обрядъ можно находить въ слѣдующихъ словахъ *Григорія Назіанзина*: „запечатлѣй себя крещеніемъ: прими себѣ этого друга и товарища жизни, почти его, чтобы онъ украсилъ тебя и сплелъ вѣнецъ благодатный на твоей главѣ и покрылъ тебя вѣнцомъ радостей“⁽¹⁾. Есть также свидѣтельство относительно этого у *Тертуліана*⁽²⁾, *Златоуста*⁽³⁾ и мн. др. Вѣнокъ этотъ дѣлался, обыкновенно, изъ цвѣтовъ, или изъ пальмовой вѣтви и другихъ благовонныхъ растений. Въ Египетскомъ ритуалѣ говорится: „надѣваютъ (крещаемые) на свои головы вѣнецъ изъ мирга и пальмы и одежду терновую, волнистую, золотошвейную или вышитую“. Три молитвы, которыя относятся въ этомъ ритуалѣ къ данному случаю, ясно показываютъ значеніе вѣнца: — онъ называется въ нихъ вѣнцомъ чести, славы и чистоты, вѣнцомъ благословенія и спасенія, вѣнцомъ величія и мужества, вѣн-

(1) *Григор. Назіанз.* «Orat. XL in S. Bapt.» «Baptismo consignare hunc tibi vitae socium et familiarem adscisce, honorem complotere, ut te ornet, capitique tuo gratiarum coronam nectat et corona delictorum te protegat». Vid *Binterim*. «Denkwürdigkeiten», Band. I, Theil. I, Mainz, 1823, s. 169.

(2) *Тертуліанъ*, «De coron. milit.», cap. IV, Curs. Compl. Patrol. Ser. Lat., Tom. II, col. 80—81.

(3) *И. Злат.*, «Catech. ad Illuminan. I, n. 1. Curs. Compl. Patr. Tom. XLIX, col. 223; въ рус. пер. «Слова и бесѣды на разн. случаи», т. II. Спб. 1865, стр. 270.

цомъ мудрости и простоты, вѣнцомъ красоты и справедливости, вѣнцомъ милосердія, вѣнцомъ вѣры (¹).

Этотъ обрядъ, по всей вѣроятности, существовалъ только до введенія во всеобщую практику крещенія младенцевъ и практиковался исключительно при крещеніи возрастныхъ. Начало его практики нужно отнести, самое меньшее, къ III в., такъ какъ на него указываетъ еще *Тертуліанъ*. Введеніе его христіанствомъ въ богослужебную практику не было фактомъ новымъ. Далеко еще раньше этого вѣнокъ игралъ не маловажную роль въ торжественныхъ обрядахъ всѣхъ восточныхъ вѣрованій; только при совершеніи таинствъ Митры, поклонники этого бога не надѣвали вѣнковъ, но и здѣсь все также онъ игралъ извѣстную роль при посвященіи на одну степень (²). Нельзя, однако, сказать, чтобы практика этого обряда явилась при крещеніи благодаря именно употребленію вѣнка при языческомъ богослуженіи. Это и здѣсь совершилось исключительно благодаря символическому значенію вѣнка въ древности. Вѣнокъ у всѣхъ народовъ всегда служилъ символомъ славы и побѣды. Такое значеніе онъ имѣлъ особенно въ античномъ мірѣ (³). Это же значеніе онъ получилъ и у христіанъ, почему писатели церкви очень часто и говорятъ о мученикахъ: „согонандус“, „согонатус“, — т. е. коронованные, достойные коронованія; это же подтверждается и словами Апокалипсиса: будь вѣренъ до смерти и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни (II, 10). Благодаря такому символическому значенію вѣнка, его употребленіе при крещеніи явилось естественно, само собою, такъ какъ креститься символически значить — побѣдить діавола и сдѣлаться воиномъ царства Христова.

Другой обычай, также имѣвшій мѣсто въ заключительной части древняго крещальнаго чина состоялъ въ томъ, что новопросвѣщенному подавали молоко и медъ. Объ этомъ обычаѣ прежде всего свидѣтельствуетъ еще *Тертуліанъ*. Упрекая Маркіона въ томъ, что онъ оставилъ всѣ обряды

(¹) *Vinterim*. «Denkwürdigkeiten», Band. 1, Theil. 1, Mainz, 1825, pag. 170.

(²) *Фрикенъ*. «Римск. катакомбы», ч. III. М. 1880 г., стр. 73.

(³) *Фрикенъ*. «Римск. катакомбы». Ч. II, стр. 52.

православныхъ, онъ въ числѣ послѣднихъ упоминаетъ и этотъ обрядъ. „Ты, пишетъ онъ, признаешь себя ученикомъ І. Христа и думаешь, что Христосъ приходилъ на землю для разрушенія дѣлъ Бога Творца, а между тѣмъ Онъ (т. е. Христосъ) и до сихъ поръ не отвергнулъ ни воды творца, которою насъ омываетъ, ни елея, которымъ насъ помазуетъ, ни смѣшенія меду и молока, которымъ насъ питаетъ, ни хлѣба, подъ которымъ самое тѣло свое представляетъ“ (1).

Мѣсто этого обряда въ древнемъ крещальномъ чинѣ, кажется, было не непосредственно за погруженіемъ или муропомазаніемъ, но по всей вѣроятности, послѣ причащенія. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству *Ипполита*, крестившемуся непосредственно преподавалось тѣло Христово и чаша крови Его; „потомъ выносился пресвитеромъ или діакономъ сосудъ съ молокомъ, чтобы научить новато христіанина, что онъ возрожденъ и, какъ младенецъ, питается молокомъ ученія, а какъ очищенный отъ грѣховъ, имѣетъ нужду насладиться блаженствомъ царствія небснаго“ (2).

Обычай этотъ не былъ всеобщимъ и практиковался главнымъ образомъ въ Африканской церкви и отчасти въ церкви западной. Практика его, сравнительно съ продолжительностію практики другихъ крещальныхъ обрядовъ, уже оставленныхъ теперь, обнимаетъ собою очень долгій періодъ. Свидѣтельства объ этомъ обычаѣ, начинаясь еще въ III в., кончаются уже только въ IX в. (3).

(1) *Тертуліанъ*. «Advers. Marcion». Lib. 1, cap. XIV, Curs. Compl. Patrol. Ser. Lat. Tom. II, col. 262; ср. «De coron. milit.», cap. III. Curs. Compl. Patrol. Ser. Lat. Tom. II, col. 79, гдѣ онъ говоритъ: «(послѣ крещенія) lactis et mellis concordiam praegustamus».

(2) *Ипполитъ*, Can. XIX, n. 15; ср. *Bunsen*. «Analecta, ante-Nicaena». Vol. II. Lond. 1854 г., pag. 468—469.

(3) *Chardon*. «Histoire des Sacraments». Curs. Compl. Theolog. Tom. XX, col. 145; *Pelliccia*. «De Christ. Pofitia». Tom. 1, pars I, pag. 20. Въ V в. объ этомъ упоминаетъ напр. *Иеронимъ*: «Dialog. contr. Lucifer.», cap VIII, Curs. Compl. Patrol. Ser. Lat. Tom. XXIII, col. 164. Nam est multa..., quae per proditorem in Ecclesiis observantur, auctoritatem sibi scriptae legis usurpaverant, velut in lavacro ter caput mergitare, deinde egressos, lactis et mellis praegustare concordiam ad infantiae significationem...

Давая новопросвѣщенному вкушать молока и меда, церковь, по всей вѣроятности, хотѣла наглядно представить, съ одной стороны, то, что новопросвѣщенный есть еще младенецъ для духовной жизни, а съ другой,—что вступленіе въ благодатное царство Христа есть высшее благо чело-вѣка⁽¹⁾.

Самый послѣдній актъ заключительной части крещальнаго чина въ его совершеніи въ древней практикѣ, составляя особый актъ, нынѣ уже не практикующійся и называвшійся „цѣлованіе мира“. Дѣйствіе это, какъ можно заключить изъ самаго его названія, состояло въ томъ, что новопросвѣщенному, по принятіи крещенія и миропомазанія, давалось цѣлованіе отъ присутствующихъ при этомъ. Обычай этотъ практиковался еще въ III в. и уже въ это время относился не только къ возрастнымъ, но даже и къ крещаемымъ младенцамъ. *Киприанъ*, опровергая то воззрѣніе, что младенецъ до 8 дней не чистъ и потому будто не можетъ получить крещенія, писалъ между прочимъ: „Это (нечистота до 8 дня) не должно служить препятствіемъ къ крещенію младенцевъ... ибо хотя младенецъ послѣ своего рожденія бываетъ еще не взраченъ, однако не настолько, чтобы надлежало кому-либо бояться цѣловать его при сообщеніи ему благодати и дарованіи мира“⁽²⁾. Позднѣе объ этомъ актѣ упоминаютъ *Августинъ*⁽³⁾ и *Златоустъ*. Послѣдній даже указываетъ причину наименованія самого акта въ томъ, что примирившіеся съ Богомъ въ крещеніи, при-емлются въ миръ и содружіе Божіе. „Естественное рожденіе

(1) *Смирновъ*. «Происхож. и литургич. хар. таинствъ». Труд. Кіевск. Дух. Акад. 1874 г., т. IV, стр. 478.

(2) *Киприанъ*. «Epist. LIX ad Fid.» cap. IV Curs. Compl. Patrol. Ser. Lat. Tom III, col. 1087. quod vestigium infantis in primis partu sui diebus constituti mundum non esse... hoc putamus ad coelestem gratiam dandam impedimento esse oportere... nam etsi adhuc infans a partu novus est, non ita est tamen, ut quisquam illum in gratia danda atque in pace facienda horrere debeat osculari. Ср. въ рус. пер. «Твор. Кипр.» томъ I, стр. 188—189. Еще ранѣе объ этомъ упоминается въ Араб. правилахъ *Ипполита*. Vid. *Haneberg*. Can. Hippotyti arabice.. Monach. 1870 p. 74.

(3) *Августинъ*. «Contra duas epistol. Pelag.» Lib. IV, cap VIII. Curs. Compl. Patr. Ser. Lat. Tom, XLIV, col. 626.

начинается плачемъ..., говоритъ *Златоустъ*, не таково рожденіе духовное: тутъ нѣтъ ни плача... ни слезъ, но привѣтствія и цѣлованія, и обниманія братій, которые признають его своимъ членомъ и пріемлютъ его какъ бы возвратившагося изъ отдаленнаго странствованія. Ибо какъ онъ былъ до крещенія врагъ, такъ послѣ крещенія сдѣлался другомъ... Господа; а потому всѣ мы и привѣтствуемъ его; потому и цѣлованіе называется миромъ. да познаемъ, что брань съ Богомъ прекращена, и что мы приняты въ Его содружество“⁽¹⁾.

За VIII в. разсматриваемая нами часть крещальнаго чина, т. е. часть заключительная, совершалась приблизительно въ такомъ видѣ. Тотчасъ же по выходѣ крещаемаго изъ купели, его привѣтствовали пѣніемъ 31 псалма⁽²⁾. Затѣмъ полагалось чтеніе молитвы надъ муромъ, послѣ чего діаконовъ произносили ектенію (въ чемъ состояла ектенія,— неизвѣстно) и пѣли: „Елицы во Христа крестистеся“⁽³⁾. Вслѣдъ за пѣніемъ „Елицы во Христа крестистеся“—слѣдовало помазаніе муромъ. Указанія на чтеніе Евангелія и Апостола мы не находимъ. Отсутствие того и другаго объясняется тѣмъ, что въ разсматриваемомъ спискѣ чинъ крещенія представляется предшествующимъ литургія⁽⁴⁾.

Къ указаннымъ обрядамъ присоединялось постриженіе власовъ. Въ своемъ совершеніи послѣдній актъ за VIII в. представляется очень отличнымъ отъ того же самаго акта въ настоящее время. Въ началѣ чина постриженія этого времени произносилась не первая въ настоящее время молитва, а вторая, которая при томъ начиналась такимъ образомъ „молимъ тебя Господи Боже нашъ отъ исполненія купельнаго“⁽⁵⁾. Затѣмъ слѣдовало самое постриженіе, а послѣ него читалась совершенно особая молитва: „Св. Троице,

(1) *Златоустъ*. «Слово о пользѣ чтенія св. писанія». *Curs. Compl. Patrol. Ser. Graec. Tom. LI, col. 97—98.*

(2) *Goar. Евъолоу. pag. 294.*

(3) *Ibidem.*

(4) *Ibidem., 294.*

(5) *Ibidem. pag. 307.*

Господи Боже нашъ, благослови отрока своего всякимъ благословеніемъ“ и проч. (1).

Весь актъ крещенія заканчивался пѣніемъ 31 псалма: „Блажени, ихже оставишася беззаконія“ (2).

Изъ всего сказаннаго въ данномъ случаѣ за VIII в. можно заключить только, что разсматриваемый актъ съ своей внутренней стороны въ это время не получилъ еще полного развитія.

Въ X—XI в. заключительная часть крещальнаго чина совершалась приблизительно также, какъ и въ VIII в. И теперь тотчасъ же по погруженіи совершалось пѣніе 31 псалма: „Блажени ихже оставишася беззаконія“, — только пѣніе это было теперь троекратнымъ, а не однократнымъ (3). Затѣмъ діаконъ произносилъ ектенію, а священникъ читалъ молитву надъ мѣромъ (4). Предъ помазаніемъ мѣра и теперь было пѣніе „Елицы во Христа крестигестеся“; весь крещальный чинъ также заканчивался пѣніемъ 31 псалма (5).

Въ чинѣ постриженія на этотъ разъ упоминаются двѣ современныя молитвы, но чтеніе ихъ совершалось въ обратномъ порядкѣ, актъ постриженія, какъ и прежде, совершался послѣ чтенія первой молитвы (6).

За XIII в., какъ извѣстно, мы пользуемся чиномъ крещенія изъ греческой церкви въ Италіи. Благодаря этому мы встрѣчаемся здѣсь съ нѣкоторыми новыми особенностями. Прямо послѣ погруженія въ этомъ чинѣ говорится про актъ совершенно новый,—это надѣваніе на голову крестившагося кукуля. Обрядъ этотъ еще ранѣе практиковался въ западной церкви, и нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ онъ заимствованъ изъ западной практики. Самое облеченіе въ кукуль сопровождалось произнесеніемъ словъ: „*λάβε στο-*

(1) *Goar. Eucholog.* Ed. 1730. pag. 307.

(2) *Ibidem.*, pag. 294.

(3) *Ibid.* pag. 292; *Euch.* ркп. Румянц. Муз. Сов. Соб. № 474; л. 51.

(4) Объ ектеніѣ упоминается впрочемъ только въ *Euchol* ркп. Румянц. Муз. № 474.

(5) *Goar. Eucholog.*, № 474, л. 51.

(6) *Ibid.* pag. 307.

λὴν λαμπρὰν καὶ ἄμωμον, ἣν προσχομίσης διχα
ρίπον πρὸ τοῦ βύματος τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ
Χριστοῦ καὶ ἔξεις ζωὴν αἰώνιον. Αἰτην⁴. Послѣ же это-
го акта слѣдовало пѣніе (троекратное) 31 псалма, а затѣмъ
чтеніе молитвы надъ мѣромъ. Пѣніе „Елицы во Христа
креститесь“ происходило уже послѣ помазанія мѣромъ⁽¹⁾.
Согласно замѣткѣ Гоара, практика запада въ данномъ слу-
чаѣ оказалась настолько вліятельною, что окончаніе чина
крещенія по разсматриваемому нами памятнику совершенно
такое же, какъ и въ латинской практикѣ⁽²⁾.

Что касается до постриженія, то молитвы здѣсь, какъ
и прежде, стоятъ совершенно наоборотъ сравнительно съ
расположеніемъ ихъ въ современномъ чинѣ. О самой формѣ
постриженія говорится „и постригаетъ волосы его въ четы-
рехъ частяхъ, во имя св. Троицы“⁽³⁾.

Какъ при изслѣдованіи заключительной части крещаль-
наго чина въ VIII—XIII вв. мы встрѣчаемся съ различ-
ными ея редакціями и относительно полноты ея актовъ и
относительно порядка, такъ точно тоже самое мы находимъ
въ XIV. По одному евхологію, послѣ погруженія непосред-
ственно слѣдовало троекратное пѣніе 31 псалма, затѣмъ
чтеніе молитвы надъ мѣромъ, наконецъ, облеченіе въ бѣлыя
одежды, совершавшееся впрочемъ безъ произношенія словъ,
и пѣніе „Елицы во Христа креститесь“⁽⁴⁾. По другому
евхологію, вслѣдъ за троекратнымъ пѣніемъ 31 псалма,
іерей впередъ произносилъ возгласъ: „Благословенъ Богъ
просвѣщаяй“, затѣмъ—молитву надъ мѣромъ, а упоминанія
про облеченіе въ бѣлыя одежды—нѣтъ⁽⁵⁾.

Послѣ мѣропомазанія по первому чину снова слѣдовало
пѣніе 31 псалма, затѣмъ новопросвѣщенный обязанъ былъ
присутствовать при литургіи, по окончаніи которой отпра-
в-

(1) *Guar. Euxology*, pag. 291, not. e.

(2) *Ibidem*.

(3) *Ibidem*, pag. 307.

(4) *Таскилон*, рив. Синод. библ. № 279, л. 230—232.

(5) *Euxology* рив. Руманц Муз. Сев. Собр. № 473, л. 217—18.

лялся домой также при пѣніи 31 псалма⁽¹⁾. По другому чину здѣсь прежде всего слѣдовало пѣніе „Елицы во Христа креститесь“, затѣмъ священникъ снова произносилъ возгласъ: „Благословенъ Богъ просвѣщаяй“, послѣ чего вопрошавшій, впередъ причастившись, отправлялся домой также съ пѣніемъ „Елицы во Христа креститесь“⁽²⁾.

Указанія на чтеніе Евангелія и Апостола мы не находимъ и въ чинопослѣдованіяхъ этого времени, благодаря тому же обстоятельству, на которое указано выше.

Какое мѣсто въ крещальномъ чинѣ занимало въ это время постриженіе волосъ,—намъ не сохранилось данныхъ. Но распорядокъ самыхъ молитвъ въ этомъ актѣ, какъ и въ практикѣ VIII—XIII вв., былъ далеко не одинаковъ. Между тѣмъ какъ въ одномъ чинѣ онъ излагается также, какъ и теперь⁽³⁾, по другому чину впередъ стоитъ молитва: „Господи Боже нашъ отъ исполненія купельнаго“ и проч., затѣмъ самое постриженіе и, наконецъ, молитва: „Владыко Господи Боже нашъ, иже образомъ твоимъ почтливый челоувѣка...“ съ поставленными впередъ возгласами: „Миръ всѣмъ“ „Главы ваша“... Самое постриженіе совершалось крестообразно и съ произнесеніемъ словъ: „постригается рабъ Божій, имярекъ, власовъ главы своея во имя Отца“ и проч.⁽⁴⁾.

Въ XV в., по изложенію *Симеона Солунскаго*, разсматриваемую часть крещальнаго акта мы находимъ, хотя и въ болѣе полномъ видѣ, но едва ли не съ большими отличіями отъ настоящаго времени. „Предъ помазаніемъ послѣ крещенія, говоритъ *Симеонъ Солунскій*, когда крещаемый облачается въ бѣлую одежду, которая благословляется архіереемъ, онъ возноситъ благодареніе къ Богу, прославляя его за спасеніе возрожденнаго водою и духомъ... послѣ помазанія постригаетъ крестообразно волосы на головѣ крещаемаго, частію въ знаменіе того, что главою своею онъ

(¹) *Талтиков*, ркп. Син. библ. № 279, л. 230—32.

(²) *Еухолоу*. ркп. Рум. Муз. Сев. Собр. № 472, л. 217—18.

(³) *Талтиков*, ркп. Синод. библ. № 279, л. 233—4.

(⁴) *Еухолоу*. ркп. Рум. Муз. Сев. Собр. № 472, л. 219.

либеть Христа... Потомъ крещаемый, помазанный и постриженный, облачается въ хитонъ и принимаетъ на голову вукуль, называемый также шлемомъ, оденъ въ знакъ неалобія..., другой въ знакъ покроя Божія, храненія чувствъ; затѣмъ, надѣваетъ на верхъ бѣлую одежду, называемую также анаволий, во образъ божественнаго свѣта и ангельской чистоты... Онъ (новопросвѣщаемый) держитъ свѣчу (если возрастной, ... а если младенецъ, то вмѣсто него держитъ свѣчу воспріемникъ). Между тѣмъ церковныя пѣнопѣвцы поютъ „Елицы во Христа крестистеса“. Архіерей же, совершивъ еще и прочія молитвы, помолчавшійся о томъ, чтобы у крещенаго сохранилось крещеніе несъвернымъ и печать неизгладимую, и чтобы постриженіе служило въ утвержденіе чувствъ, и о многомъ другомъ во спасеніе его, и прославляя Бога, радостно беретъ крещаемого за руку и въ сопровожденіи воспріемника... обходитъ три раза вокругъ вукули... и поетъ вмѣстѣ съ поющими: „Елицы во Христа крестистеса“. Потомъ, когда пѣвчіе поютъ псаломъ: „Блаженни иже оставашася (31)“, онъ, предшествуя крещеному, приводитъ его предъ жертвенникъ и тамъ преподаетъ ему страшное причастіе“⁽¹⁾.

Согласно этому описанію, очевидно, что въ XV вѣкѣ заключительная часть крещальнаго чина была болѣе богата содержаніемъ, чѣмъ въ прежнее время, но за то совершалась еще съ большими особенностями. Прежде всего употребленіе 31 псалма стояло совершенно на другомъ мѣстѣ. Правда, согласно современной XV вѣку практикѣ русской церкви, скорѣе нужно думать, что 31 псаломъ пѣлся два раза,—въ мѣстѣ, указываемомъ *Симеономъ Солунскимъ* и на томъ, гдѣ онъ употребляется теперь. Но не нужно опускать изъ виду того факта, что *Симеонъ Солунскій*, съ особенною подробностью сообщая о совершеніи крещенія, едва ли могъ опустить изъ вниманія такой довольно видный и умѣстный актъ, какъ тросвратное пѣніе 31 псалма тотчасъ по совершеніи крещенія,—если бы

(1) *Симеонъ Солунскій*. «De Sacramentis», Cap. LXVI—LXVII. *Suppl. Compl. Patrol. Ser. Graec. Tom. CLV, col. 202—203*; Твор. отц. и учит. Цери., отвос. къ истоку. богослуж. т. II, стр. 74—78.

это практиковалось въ это время. Далѣе, между тѣмъ какъ въ настоящей практикѣ тотчасъ по одѣваніи въ бѣлыя одежды, полагается молитва надъ муромъ, — по *Симеону Солунскому* должно слѣдовать благодареніе Бога за спасеніе возрожденнаго водою и Духомъ.

Послѣ постриженія, по его изложенію, мы снова встречаемъ практиковавшееся въ XIII в. надѣваніе кукуля. Упомянутое объ этомъ обрядѣ у *Симеона Солунскаго*, очевидно, говоритъ за то, что и въ XIV в. онъ практиковался въ восточной церкви. Чѣмъ объясняется существованіе въ греческой практикѣ этого обряда, — указать трудно. Однако въ объясненіе этого, кажется, можно указать на тотъ фактъ, что на этотъ обрядъ, какъ практиковавшійся въ восточной церкви, хотя и въ другой формѣ, — есть указаніе за болѣе раннее время. По свидѣтельству *Кирилла Иерусалимскаго*, одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ обычаевъ въ IV и V вв. состоялъ въ томъ, что прежде чѣмъ новокрещенные вступали окончательно въ общество вѣрующихъ, они въ теченіе восьми дней со времени ихъ крещенія должны были стоять во время церковныхъ службъ съ покрытыми лицами и головами. Обычай этотъ, по изъясненію того же отца, указываетъ на то, что новокрещеннымъ, въ особенности при первомъ вступленіи въ новую жизнь, не слѣдуетъ развлекать вниманіе посторонними предметами⁽¹⁾, а по объясненію *Августина* это покрывало служило знакомъ молодости и незрѣлости⁽²⁾. Очень естественно, что этотъ обрядъ, прилагавшійся въ такой формѣ въ варослымъ, со времени крещальной практики младенцевъ, былъ перенесенъ и сюда, только въ формѣ болѣе удобной для младенцевъ. Но когда случился этотъ фактъ, опредѣленно сказать ничего нельзя.

Вмѣстѣ съ обрядомъ одѣванія въ кукуль *Симеонъ Солунскій* упоминаетъ еще про облаченіе въ хитонъ и верхнюю бѣлую одежду „ававолій“. Этотъ обрядъ, по всей вѣ-

(1) *Кирилл. Иерусалимск. «Praefat.», п. 9. Cura. Compl. Patr. Ser. Graec. Tom. XXXIII., col. 349; ср. Твор. Кир. Иер. въ рус. пер., стр. 12.*

(2) *Робертсонъ. «Ист. Христ. Церкви», т. I, кн. II, стр. 249.*

роятности, имѣлъ мѣсто при крещеніи только возрастныхъ лицъ, о крещеніи коихъ, нужно замѣтить, и говорить *Симеонъ Солунскій*. Греческая практика въ этомъ случаѣ опиралась на практику древней церкви, гдѣ при облаченіи новопросвѣщеннаго, по выходѣ его изъ купели, и верхняя одежда на него надѣвалась бѣлаго цвѣта.

Такимъ образомъ, въ XV в. заключительная часть крещальнаго чина, согласно ея описанію у *Симеона Солунскаго*, въ цѣломъ видѣ представляетъ актъ болѣе полный, нежели въ предыдущее время. Но наряду съ такою практикою новою, продолжала еще существовать и практика прежняго времени, по которой рассматриваемая часть крещальнаго акта была гораздо бѣднѣе своимъ содержаніемъ. Имѣющееся у насъ подъ руками крещальное чинопоследованіе греческой церкви XV в. излагаетъ эту часть буквально также, какъ въ одномъ изъ еххологіевъ XIV в. По этому чинопоследованію тотчасъ же послѣ крещенія совершалось пѣніе 31 псалма и притомъ пѣніе однократное, — вслѣдъ за тѣмъ священникъ произносилъ „Благословенъ Богъ просвѣщай“... и читалъ молитву надъ мѣромъ. Послѣ мѣропоманія снова произносилъ возгласъ „Благословенъ Богъ просвѣщай“, за тѣмъ новопросвѣщенный приобщался и отправлялся изъ храма при пѣніи: „Елицы во Христа крестистеса“⁽¹⁾.

Равнымъ образомъ и постриженіе волосъ, согласно изложенію указаннаго еххологія, совершалось также, какъ и въ XIV в., — именно самый актъ совершался среди молитвъ современнаго чина постриженія, молитвы читались въ порядкѣ, обратномъ современной практикѣ; предъ послѣдней молитвой имѣлось тоже самое замѣчаніе, на которое мы указывали выше⁽²⁾.

Въ XVI в. согласно тексту *Гвара* заключительная часть крещенія и съ внѣшней и съ внутренней стороны совершалась уже также, какъ мы видимъ ее въ современной прак-

(1) *Еххолоу*. Рип. М. Синаг. библ. № 280, л. 95 об. — 97 об.; ср. *Ехх.* рип. Рум. Муз. Сов. Собр. № 472, л. 217—218.

(2) Ср. *Еххолоу*., рип. Синаг. библ. № 280, л. 97; *Ехх.* рип. Рум. Муз. Сов. Собр. № 472, л. 240.

тикъ греческой церкви. Однако, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ эта практика установилась не вдругъ. Правда, наряду съ ней мы не встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ практики, буквально сходной съ практикою болѣе ранняго времени, но все таки находимъ практику, далеко не согласную съ настоящею и со стороны распорядка дѣйствій и со стороны полноты ихъ. Имѣющіеся у насъ подъ руками рукописные евхологіи того времени въ данномъ случаѣ сильно разногласятъ. По одному изъ нихъ, послѣ обычнаго за погруженіемъ троекратнаго пѣнія 31 псалма, слѣдовало муропомазаніе, а затѣмъ уже облаченіе въ одежды. Последнее сопровождалось теперь произнесеніемъ словъ: „Одѣнается рабъ Божій“; притомъ при облаченіи въ верхнія одежды произносились слова: „Да возрадуется душа моя...“, но тропарь „Ризу мнѣ подаждь“,—не пѣлся. Послѣ облаченіи въ одежды, совершалось троекратное кругообразное шествіе при пѣніи: „Елицы во Христа крестистесь“. Затѣмъ наконецъ, какъ и теперь, произносилась ектенія, было увѣщаніе воспріемнику и отпускъ⁽¹⁾.

Въ другомъ чинослѣдованіи, какъ и въ первомъ, между погруженіемъ и муропомазаніемъ говорится только о пѣніи 31 псалма, но о пѣніи однократномъ. Послѣ же муропомазанія совершалось только постриженіе волосъ, также какъ и въ XV в., но съ настоящимъ порядкомъ молитвъ. Въ заключеніе же пѣли: „Елицы во Христа крестистесь“⁽²⁾. Такимъ образомъ однообразной практики въ рассматриваемомъ нами отношеніи въ XVI в. еще не было.

(1) *Евхолог.* ркп. Сир. библ. № 343, л. 13—14.

(2) *Евхол.* ркп. Румянц. Муз. Сев. собр. № 473, л. 17—20. Совершать постриженіе тотчасъ же послѣ муропомазанія, или спустя нѣсколько времени послѣ крещенія, въ это время предоставлялось на волю совершителя таинства. Такъ по крайней мѣрѣ даетъ право думать слѣдующая замѣтка, помѣщенная предъ молитвою постриженія въ одномъ изъ евхологіевъ XVI в.: «*Εἶδε βούλει, говорится здѣсь, κομψύσας τὸ παιδίον αὐτῆ τῆ ἡμέρα, ἐν τῆ βαπτισθῆ, μετὰ τὸ εἰπεῖν. Το σφραγὶς σφραγὶς ἄγιον... καὶ εὐθὺς κομψύσας τοῦτο.*» Влента *λέγων τὴν εὐχὴν ταύτην. Ο λυτρωτὴν ἀμαρτιῶν διὰ τοῦ βαπτισματος* (*Вух.* ркп. М. Сир. библ. № 281, л. 34. *Димитриевскій. Богослуж.* въ рус. цер. въ XVI в. ч. I, стр. 300).

Въ чинопослѣдованіяхъ XVII в. и до настоящаго времени, какъ въ предыдущихъ случаяхъ, такъ и теперь мы находимъ полное тожество⁽¹⁾.

Точно въ такомъ же отношеніи къ современной практикѣ греческой стоитъ въ данномъ случаѣ и русская практика крещальнаго чина въ настоящее время. Что касается исторіи своего совершенія въ предыдущей русской практикѣ, то здѣсь заключительная часть чинопослѣдованія крещенія, какъ то было и въ древней греческой практикѣ, представляетъ слишкомъ много измѣненій и даже, можно сказать, болѣе, чѣмъ исторія другой какой либо части этого чинопослѣдованія.

Свѣдѣнія о ея совершеніи, хотя и не вполне, мы находимъ сравнительно въ раннее время, и именно еще около XII в. За это время, по наставленію *Нифонта*, епископа *Новгородскаго*, часть крещенія, слѣдующая за самымъ погруженіемъ, должна совершаться въ такомъ видѣ: „надѣжши ризы крестныя и вѣнецъ и тако помажеша я святымъ муромъ и дай ему свѣцу“⁽²⁾. Въ житіи Константина, князя Муромскаго, совершеніе этой части представлено нѣсколько въ другомъ порядкѣ: „Мазаху ихъ хрисмоу, говорится здѣсь относительно крещенія младенцевъ, и надѣша на ны червленныя вѣнцы, на главы имъ обазаша, на нихъ же крестъ, и бѣлыя ризы и ноговицы и сапоги, и даша всѣмъ свѣща горяща“⁽³⁾.

Такимъ образомъ, заключительная часть крещальнаго чина въ XII в. состояла въ томъ, что на новопресвѣщеннаго надѣвали бѣлыя ризы и вѣнцы червленые, а затѣмъ давали въ руки зажженную свѣчу для полной торжественности обхожденія вокругъ кунели. Порядокъ этихъ актовъ, однако, былъ не всегда одинаковъ; между тѣмъ какъ въ однихъ мѣстахъ одѣваніе бѣлыхъ одеждъ и вѣнцовъ слѣдо-

(1) *Goar.. Euch. pag. 290—1; Euchol. Venet. 1839, pag. 143—145. Euchol. Ed. Rom. 1754 pag. 134—135.*

(2) Русск. Историч. библ. Томъ VI, Сиб. 1880, стр. 26.

(3) *Филаретъ Черниговск. «Исторія Русск. Церкв.» Вып. I, стр. 77.*

вало непосредственно за миропомазаниемъ, въ другихъ то и другое предшествовало совершенію этого таинства.

Что касается до облаченія новопросвѣщеннаго въ бѣлыя одежды и до врученія ему зажженной свѣчи, то на этихъ обрядахъ нечего останавливаться. Тотъ и другой изъ нихъ существовалъ какъ въ древней, такъ и въ близкой къ XII в. практикѣ греческой церкви. Болѣе интереснымъ будетъ остановиться на третьемъ обрядѣ—надѣваніи вѣнца. Правда, объ этомъ обрядѣ, какъ мы уже видѣли, есть свидѣтельства греческой церкви IV—V вв., но древнія греческія чиновно-слѣдованія крещенія рѣшительно ничего не говорятъ о немъ. Спрашивается теперь: что же разумѣть подъ этимъ вѣнцомъ, — и откуда явился къ намъ этотъ обычай—возлагать на новопросвѣщеннаго вѣнецъ?

Въ произведеніяхъ *Симеона Солунскаго*, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ излагаетъ чинъ крещенія, въ нѣкоторыхъ греческихъ чинахъ крещенія, въ русскихъ службеникахъ и требникахъ XV—XVI вв., въ которыхъ помѣщается и крещальный чинъ, мы между прочимъ видимъ, что въ числѣ обрядовъ, завершающихъ чинъ крещенія, въ то время существовалъ еще обрядъ—возложеніе кукуля. Между тѣмъ, въ одномъ службеникѣ XVI в., когда послѣ постриженія власовъ у младенца священнику предписывается возлагать ему на голову кукуль,—о послѣднемъ сдѣлана такая замѣтка: „той есть именуется вѣнецъ сошвена вапочка червлена или крашенина синя, и вышито на немъ три крестика; то есть одѣваніе главѣ. И держитъ то священникъ въ церкви и снимаетъ съ младенца послѣ отпуста священія“. Согласно съ такимъ замѣчаніемъ, и молитва, предшествующая сему дѣйствию, надписывается „на постриженіе власомъ, то есть начало перваго вѣнчанія“⁽¹⁾. На этомъ основаніи, естественно предположить, что подъ вѣнцомъ въ разсматриваемыхъ нами свидѣтельствахъ прежде всего нужно разумѣть кукуль, возлагавшійся на новопросвѣщеннаго. Такое объясненіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что повѣствованіе о крещеніи Муромцевъ принадлежитъ писателю именно XVI вѣка⁽²⁾.

(1) Служб. ркп. М. С. Библ. 358, л. 184 (Опис. III, 1, 74).

(2) *Ключевск.* «Жит. Святыхъ», кн. «Истор. источн.», стр. 286—288.

Но въ данномъ случаѣ можно представить и другое мнѣніе. Какъ извѣстно, въ древности та верхняя бѣлая одежда, которая надѣвалась на просвѣщеннаго по крещеніи, покрывала собою и голову надѣвавшего. При этомъ на послѣдней части одежды нашивалось изъ другой матеріи нѣчто въ родѣ вѣнца. На этомъ основаніи нельзя ли думать, что въ данномъ случаѣ разумѣется именно подобный же вѣнецъ, который могъ быть и не прирѣпленнымъ къ главной части бѣлой одежды постоянно, а прикрѣпленнымъ только при ея употребленіи. За такое предположеніе, съ одной стороны, говоритъ тотъ фактъ, что въ обоихъ представленныхъ нами свидѣтельствахъ возложеніе вѣнцовъ представляется актомъ, неразрывно соединеннымъ съ облаченіемъ въ бѣлую одежду; съ другой—и тотъ, что вѣнцы называются „червлеными“ т. е. красными,—а они именно такого цвѣта и были, когда нашивались въ древности на бѣлую одежду⁽¹⁾. Кромѣ того, по свидѣтельству *Нифонта*, какъ облаченіе въ бѣлую одежду, такъ и возложеніе вѣнца,—происходило до муропомазанія. Отсюда же очевидно, еслибы въ данномъ случаѣ разумѣлся кукуль, накладывавшійся обыкновенно по муропомазаніи, то этотъ вѣнецъ, какъ возлагавшійся до муропомазанія никакъ не могъ быть этимъ кукулемъ⁽²⁾.

Какъ на особенность въ совершеніи заключительной части крещенія въ XII в. нужно указать на отсутствіе чтенія Апостола и Евангелія. Это объясняется уже указаннымъ нами фактомъ, т. е. что послѣ крещенія въ XII в. новокрещеннаго обыкновенно причащали на литургіи, которая слѣдовала непосредственно за этимъ таинствомъ⁽³⁾.

(1) «О крещальн. въ древней церкви», Прав. Соб. 1859, ч. III, стр. 78.

(2) Что касается до того мнѣнія г. *Одницова*, что въ данномъ случаѣ подъ вѣнцомъ можно разумѣть головную повязку, возлагавшуюся на муропомазаннаго въ латинской практикѣ (*Душен.* Чт. 1877 г. кн. I, стр. 411—412), то оно, какъ справедливо замѣчаетъ г. *Дмитріевскій* (Прав. Соб. 1883 г. кн. II, стр. 370—371), не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ.

(3) Русск. Историч. Библ. томъ VI, стр. 26. 31

Въ XIV в. свѣдѣнія относительно разсматриваемаго предмета гораздо полнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляють болѣе особенностей.

Общая особенность всѣхъ крещальныхъ чинослѣдованій этого времени состоитъ въ данномъ случаѣ прежде всего въ томъ, что пѣнія, послѣ погруженія, 31 псалма мы не находимъ, а прямо происходило облаченіе въ бѣлыя одежды. Послѣдній актъ совершался безъ произнесенія словъ. Пѣнія стиха „Ризу подаждь“ также не полагалось. За облаченіемъ въ бѣлыя одежды слѣдовало произнесеніе ектеніи или малой или сугубой⁽¹⁾. Въ ектеніѣ сугубой, слѣдовавшей за облаченіемъ, послѣ прошенія объ архіепископѣ, возглашались слѣдующія прошенія: 1) „и облещися ему силою божественною на противнаго муромъ помазанія“; 2) „О быти ему сосуду священну на воспріятіе благодатнаго мюра“; 3) „О сподобитися ему званія, въ немже званъ бысть“⁽²⁾.

Что касается до актовъ, слѣдующихъ за муропомазаніемъ, то чинослѣдованія XIV в. рѣзко различаются здѣсь относительно порядка. По указаніямъ однихъ, что мы видѣли и въ древнихъ греческихъ крещальныхъ чинослѣдованіяхъ, непосредственно послѣ муропомазанія только замѣчено: „И по семъ входитъ съ новопрсвѣщеннымъ на выходъ, и поя пѣвцы: „Блаженни имже отпущена суть“. И такъ порядку совершается божественная служба“⁽³⁾. По другимъ чинослѣдованіямъ, за муропомазаніемъ прямо слѣдуетъ одѣяніе въ срачицу и верхнюю одежду, затѣмъ молитва предъ постриженіемъ, самое постриженіе и молитва благословенія⁽⁴⁾. Непосредственно затѣмъ возлагался кукуль съ произнесеніемъ словъ: „одѣвается рабъ Божій въ кукуль

(1) Служ., рип. Соф. Библ. № 526, л. 107. (Душен. Чт. 1877 г. кн. II, стр. 266) и рип. М. С. библ. № 347 (Опис. III, 1, 33).

(2) Служ., рип. Соф. Библ. № 526, 107. (Душ. чт. 1877, кн. II, стр. 267).

(3) Душен. Чт. 1877, II, стр. 267.

(4) Въ послѣднемъ случаѣ порядокъ обратный современной практикѣ.

незлюбів“. Въ заключеніе всего чинюслѣдованія совершалось обхождение крещаемого вмѣстѣ съ воспріемникомъ вокругъ вудели при пѣвіи „Елицы во Христа“,—затѣмъ ектенія и отпустъ (*).

Чтеніе Евангелія и Апостола, какъ и за предыдущее время, мы не находимъ, что здѣсь объясняется соединеніемъ крещенія съ литургіей (**).

XV в. въ данномъ случаѣ представляетъ столь же, если не болѣе, разнообразія. Правда, по всѣмъ крещальнымъ чинамъ этого вѣка тотчасъ же по крещеніи полагается, какъ и теперь, пѣніе 31 псалма,—но въ дальнѣйшемъ порядкѣ до муреномазанія мы находимъ полное разноегласіе. По однимъ чинамъ прямо читалась молитва надъ муромъ (*), во другимъ порядкомъ далѣе долженъ быть таковой же, какъ и теперь, т. е. за пѣніемъ 31 псалма слѣдовало облаченіе новопросвѣщеннаго въ бѣлыя одежды, съ пѣніемъ: „Елицы во Христа креститесь“ (**), по третьимъ—молитва облаченія безъ самаго облаченія (***), по четвертымъ—ектенія малая (****). Въ чинахъ послѣднихъ двухъ родовъ, кромѣ указанныхъ актовъ, ничего еще не совершалось предъ муреномазаніемъ. По нѣкоторымъ изъ чинновъ втораго рода, послѣ облаченія въ бѣлыя одежды, полагалось⁵ взглянуть сугубую ектенію съ тѣми же променіями о просвѣщенномъ, какія были и въ предыдущемъ вѣкѣ, затѣмъ читать молитву облаченія (****).

(*) Служ., ркп. М. С. библ. № 347. (Опис. III, 1, 33).

(*) Служ., М. С. библ. № 347. (Опис. III, 1, 33).

(*) Требн., ркп. Сол. библ. № 1107, л. 61 об.—62.

(*) Требн., ркп. М. Синод. библ. №№ 373, 374. (Опис. III, 1, 158, 164). Служ. съ Треб., ркп. Соф. библ. №, 838, л. 78. (Душен. чт. 1877, кн. III, стр. 271). Треб. ркп. Сол. библ. № 1086, л. 240.

(*) Служ., ркп. Соф. библ. № 836, л. 170; № 837, л. 134. (Душ. чт. 1877, кн. III, стр. 271).

(*) Треб., ркп. М. Сав. библ. № 375. (Опис. III, 1, 204); Требн., ркп. Соф. библ. № 1064, л. 68. (Душ. чт. 1877, *ibidem*.) Требц., ркп. Сол. библ. № 1085, л. 180.

(*) Служ. кн. Треб., ркп. Соф. библ. № 839, л. 78. (Душ. чт. 1877, кн. III, стр. 271); Треб. ркп. Сол. б. № 1086, л. 240 об.

Въ порядкѣ дѣйствій, слѣдовавшихъ за муропомазаніемъ, и въ способѣ совершенія ихъ чинопослѣдованія XV в. снова представляютъ самый разнообразный порялокъ. По однимъ чинопослѣдованіямъ за муропомазаніемъ должно было слѣдовать облаченіе крещеннаго въ срачицу и верхнюю одежду. При облаченіи въ первую священникъ произносилъ: „одѣвается рабъ Божій“, имръ, одеждою веселія и возрадованія;“ при одѣваніи во вторую: „Да возрадуется душа моя о Господѣ, облече бо мя въ ризу спасенія“⁽¹⁾. Эти слова вѣтъ необходимости, какъ предполагаетъ г. *Одичковъ*, считать внесенными въ чинъ крещенія русскими иереями, по аналогіи, изъ чина облаченія священно-служачихъ предъ литургіей⁽²⁾. Какъ извѣстно, и въ греческой церкви около этого времени въ давномъ случаѣ была такая же практика.

По другимъ чинопослѣдованіямъ прямо слѣдовала молитва на омовеніе⁽³⁾.

По третьимъ чинопослѣдованіямъ, въ которыхъ облаченіе крещеннаго полагалось въ тоже время, какъ и теперь; послѣ муропомазанія, происходило троекратное обхожденіе вокругъ амвона⁽⁴⁾. Что разумѣть въ этомъ случаѣ подъ амвономъ, — опредѣленно неизвѣстно; скорѣе всего нужно думать, что купель становилась на особаго рода возвышеніи, называвшемся собственно амвономъ, вокругъ котораго и дѣлалось обхожденіе.

По нѣкоторымъ же чинопослѣдованіямъ священникъ, тотчасъ же по муропомазаніи, совершалъ вѣнчаніе⁽⁵⁾.

(1) Треб. ркп. М. С. библ. № 375. (Опис. Ш, 1, 201); Служ., ркп. Соф. библ. № 836, л. 174; Треб., ркп. Соф. библ. № 1064, л. 69 об.; № 837, л. 134 об. (Душ. чт. 1877, кн. Ш, стр. 273); Треб., ркп. Солов. библ. № 1085, л. 181 об.

(2) *Ibidem*.

(3) Треб. ркп. Сол. библ. № 1107, л. 64—об.

(4) Треб., ркп. М. Сив. библ., № № 373—374. Опис. Ш, 1, 159. 164).

(5) Служ., ркп. Соф. библ. № 839, л. 79. (Душ. чт. 1877, кн. Ш, стр. 273); Треб., ркп. Солов. библ. № 1086, л. 241 об.—242 об.

Чтеніе Евангелія и Апостола и въ это время отсутствовать въ крещальномъ чинѣ, благодаря соединенію крещенія съ литургіей⁽¹⁾.

Въ тѣхъ чиновослѣдованіяхъ, въ которыхъ послѣ муропомазанія упоминается объ облаченіи, — за этимъ актомъ, какъ и въ предыдущее время, непосредственно слѣдовала молитва предъ постриженіемъ, затѣмъ самое постриженіе и молитва благословенія. Последніе два акта совершались также, какъ и теперь, — только въ обратномъ порядкѣ, т. е. постриженіе слѣдовало за послѣдней молитвою⁽²⁾. При постриженіи произносились слова: „во имя Отца и Сына и Св. Духа“⁽³⁾. Послѣ постриженія въ нѣкоторыхъ чиновослѣдованіяхъ (и даже въ большинствѣ случаевъ) мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „и примъ (священникъ) воску теплаго и влѣпляетъ власовъ отрѣзанныхъ и тако скранитъ ихъ въ стѣну церковную, аще будетъ камена церковъ и аще ли ни, то за алтаремъ вкопають въ землю“⁽⁴⁾,

Послѣ постриженія, какъ и въ XIV в., слѣдовало: возложеніе кунуля и обхожденіе вокругъ кунели, эктенія сугубая, на которой поминались князь, святитель, — и отпустъ⁽⁵⁾.

⁽¹⁾ Служебн., ркп. Соф. библ. № 836, л. 171—172; № 837, л. 136—138; Требн., ркп. Солов. библ. № 1064, л. 71. (Душп. чт. 1877. кн. III, стр. 275); ркп. М. Син. биб. № 375. (Опис. III, 1, 201); Требн., ркп. Солов. библ. № 1085, л. 182 об.

⁽²⁾ Служ., ркп. М. Свн. библ. № 378, л. 378. Опис. III, 1, 159, 164, 201); ркп. Соф. библ. № 836, л. 171; № 837, л. 137; Требн., ркп. Соф. библ. № 1064, 69 об. (Душп. чт. 1877 кн. III, стр. 274); Требн., ркп. Солов. библ. № 1085, л. 181 об.—182.

⁽³⁾ Въ одномъ поученіи неизв. автора этого времени между прочимъ говорится: Дѣти крестите, и вы стригите, говоря: во имя Отца и Сына и Св. Духа; а кто не стрижеть, ниво то законопреступно. (Рус. историч. библ. т. VI, Спб. 1880. стр. 925).

⁽⁴⁾ Служ. ркп. Соф. библ. № 836, л. 171; № 837, л. 137 об.; Требн., ркп. Соф. библ. № 1064 л. 70 об. (Душп. чт. 1877, III, 275); Требн., ркп. Солов. библ. № 1085, л. 82.

⁽⁵⁾ Служ. ркп. Соф. библ. № 836, л. 171—2; № 837, л. 136—8; Требн., ркп. Соф. б. № 1064, л. 71; (Душп. Чт. 1877, III, 275), ркп. М. С. библ. № 375. (Опис. III, 1, 201). Требн., ркп. Солов. библ. № 1085, л. 182.

Какое разнообразіе въ совершеніи заключительной части крещальнаго чинослѣдованія мы встрѣтили въ русской церковной практикѣ XV в., такое же разнообразіе мы встрѣчаемъ въ этомъ случаѣ и въ XVI в. Въ это время тотчасъ послѣ погруженія и до муропомазанія въ однихъ требникахъ прямо полагается—малая ектенія, и затѣмъ уже пѣніе 31 псалма (¹); по другимъ—тоже самое, но совершенно въ обратномъ порядкѣ (²), по третьимъ,—за пѣніемъ 31 псалма—пѣніе „Елицы во Христа крестистеся“, облаченіе въ бѣлыя одежды и эктенія сугубая съ указанными нами выше отличительными прошеваніями (³); по четвертымъ, наконецъ,—какъ и въ настоящее время, — облаченіе новокрещеннаго (⁴).

Послѣ муропомазанія, въ своемъ содержаніи и порядкѣ составныхъ актовъ,—крещальные чины снова раздѣляются на нѣсколько группъ. По однимъ изъ нихъ, въ которыхъ облаченіе въ бѣлыя одежды было впередъ муропомазанія, за совершеніемъ этого таинства прямо слѣдовало воцерковленіе, эктенія сугубая и общій обычный отпустъ (⁵).

По другимъ чинамъ, что мы не видѣли за предыдущее время, послѣ облаченія, слѣдовавшаго за муропомазаніемъ, читались тѣже Апостолъ и Евангеліе, которые читаются и теперь (⁶). По всей вѣроятности, этотъ обычай только началъ

(¹) Треб. рик. Солов. библ. № 1099, л. 33.

(²) Треб. рик. Соф. библ. № 1062, л. 85; (Стран. 1880, Апр. 364); рик. Моск. Сив. б. № 310, л. 54 об.; 358, л. 480; № 378, л. 493 об.; рик. Волокол. библ. № 88, л. 94 об.; рик. Соф. библ. Невостр. № 2, л. 291 об.—292; рик. Тр. О. Лавры № 224 л. 129; (Дмитриевск. Богосл. въ рус. ц. ч. 1, стр. 293); рик. Сол. б. № 1092, л. 43 об.; № 1094, л. 134 об.; № 1096, л. 215 об.

(³) Требн. рик. Соф. библ. № 1061, л. 179; № 1063, л. 46; № 1066, л. 210 об.; № 1085, л. 47—48; № 1086, л. 49—50. (Стран. 1880 г., Апр., 364); рик. Солов. библ. № 1105, л. 367.

(⁴) Требн. рик. Соф. библ. № 1067, л. 123; № 1080, л. 65; (Стран. 1880, Апр. 364).

(⁵) Требн. рик. Соф. библ. № 1067, л. 125 об.; № 1061, л. 181; (Стран. 1880, Апр. 368); рик. Солов. библ. № 1105, л. 268 об.

(⁶) Требн. рик. Соф. библ. № 1086, л. 55. (Стран. ibidem)

входить въ русскую крещальную практику. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и въ греческой практикѣ въ первый разъ мы видимъ его около того времени. Условіе его возникновенія въ крещальномъ чинѣ объясняется тѣмъ фактомъ, что наконецъ сознава невозможность по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ приобщать новопросвѣщеннаго всегда тотчасъ же послѣ его крещенія. Впрочемъ, наставленіе, чтобы новопросвѣщеннаго приобщать тотчасъ же по крещеніи, и теперь встрѣчается въ большинствѣ требниковъ (*).

По требникамъ третьяго разряда, въ которыхъ облаченіе полагалось въ тоже время, какъ и теперь, послѣ миропомазанія проходило тоекратное обхожденіе вокругъ купели и затѣмъ воцерковленіе, ектенія сугубая и отпустъ (**).

По требникамъ четвертаго разряда послѣ миропомазанія, какъ и въ XV в., тотчасъ же слѣдовало облаченіе новорожденнаго въ срачицу и верхнюю одежду, съ произнесеніемъ тѣхъ же самыхъ словъ, какия произносились и въ предыдущую эпоку (**).

Наконецъ, по требникамъ пятаго разряда, за миропомазаніемъ тотчасъ же слѣдовало чтеніе молитвы на постриженіе (*). Въ требникахъ другихъ разрядовъ послѣдній актъ слѣдовалъ или послѣ облаченія новопросвѣщеннаго (*), или послѣ чтенія Апостола и Евангелія (**).

(*) Требн. ркн. Солов. библ. № 1099, л. 217; № 1090, л. 86 об.—37; № 1092, л. 16 об.; № 1091, л. 146; Требн. ркн. Солов. библ. № 1062, л. 70; № 1063, л. 49; № 1066, л. 216; № 1068, л. 60 об.—61; № 1061, л. 181 об.; (Странн. 1880 г. Апр. 568, 571)

(*) Требн. ркн. Солов. библ. № 1066, л. 215; (Странн. Ibidem).

(*) Треб. ркн. Солов. библ. № 1062, л. 67; № 1063, л. 47; № 1069, л. 134; № 1066, л. 13—14; (Странн. 1880, Апр. 566) ркн. Солов. б. № 1099, л. 34 об.—35; № 1190, л. 216; № 1091, л. 145.

(*) Требн. ркн. Солов. библ. № 1092, л. 14 об.

(*) Требн. ркн. Солов. библ. № 1091, л. 135; № 1090, л. 35; № 1090, л. 216.

(*) Требн. ркн. Солов. библ. № 1062, л. 67—70; № 1066, л. 212—214; № 1068, л. 135—136; № 1065, л. 55—58; № 1066, л. 55—58; (Странн. 1880, Апр. 568); ркн. М. Солов. библ. № 516.

Молитва на постриженіе, самое постриженіе и молитва благословенія были тѣже, что и теперь, только постриженіе предшествовало, а не послѣдовало ей, какъ это есть въ настоящемъ чинѣ крещенія (¹). Въ концѣ чина постриженія, обыкновенно, стоитъ также замѣтка относительно храненія волосъ, на которую мы указывали выше (²).

Послѣ постриженія по однимъ требникамъ слѣдовало воцерковленіе (³); по другимъ—возложеніе кукуля, обхожденіе вокругъ купели съ пѣніемъ „Елицы во Христа крестистеса“, обрядъ воцерковленія, ектенія сугубая и отпустъ (⁴); по третьимъ же—возложеніе кукуля, обхожденіе вокругъ купели съ пѣніемъ: „Елицы во Христа крестистеса“, ектенія сугубая, на которой поминаются вязь, святитель, восприемники, новокрещенный,—и отпустъ (⁵):

Въ XVII в., до Никоневскаго изданія требника, трудно въ подробности прослѣдить всѣ измѣненія въ порядкѣ и составѣ актовъ заключительной части крещальнаго чиновослѣдованія, тѣмъ болѣе что мы не имѣемъ подъ руками полной

л. 55; № 358. л. 183; № 378 л. 495 об.—496; ркп. Тр. Сер. Лавры № 224, л. 130; ркп. Волокол. библ. № 88, л. 196. (*Дмитриевскій*. «Вогослуж. въ русск. церк. въ XVI в.», ч. 1, стр. 300) ркп. Солов. библ. № 1092. л. 15.

(¹) Треби. ркп. Сое. биб. № 1062. л. 67—70; № 1066, л. 212 об.—214; № 1068; л. 135—6; № 1085, л. 55—8; № 1086, л. 55 об.—58 (Стран. Ibid.). Треб. Сол. б. ркп. № 1092. л. 14 об.—15 об.; № 1091 л. 145—146; № 1099, л. 35—36; № 1090. л. 216—217.

(²) Треб. ркп. Солов. биб. № 1092, л. 15 об.; № 1091. л. 145 об.—146; № 1099, л. 35 об.; № 1090. л. 216 об.

(³) Треби. ркп. Сое. библ. № 1085, л. 59—60. (Стран. 1880, Apr. 569).

(⁴) Треб. ркп. Сое. биб. № 1086, л. 58—63. (Стран. Ibidem).

(⁵) Треби. ркп. Сое. биб. № 1062, л. 60—70; № 1063, л. 49; № 1064, л. 74; № 1066, л. 214—216; № 1068; № 1069, № 1085; л. 58; № 1086. л. 58—60; № 1089, л. 174; (Стран. Ibid.) Треб. ркп. Сол. б. № 1090, л. 217; № 1099, л. 36 об. № 1092. л. 16; № 1091, л. 146 об.

серіи изданныхъ въ это время требниковъ. Мы ограничимся въ данномъ случаѣ только общимъ очеркомъ.

Въ большинствѣ требниковъ, между крещеніемъ и муропомазаніемъ, послѣ пѣнія 31 псалма, полагается только произнесеніе великой ектеніи съ прошеніями, указанными нами выше при изслѣдованіи заключительной части крещального чина въ XIV в. (¹). Исключеніе составляетъ только требникъ 1635 г., гдѣ между пѣніемъ 31 псалма и произнесеніемъ ектеніи полагается еще облаченіе въ бѣлый чехоль, „въ немъ же (крещаемый) пребудеть до 8 дня“ (²). По требнику же *Мошлы* въ этомъ случаѣ положено уже тоже самое, что мы видимъ и теперь (³).

Послѣ муропомазанія, по послѣднему требнику, т. е. по требнику *Мошлы*, ворадовъ и составъ заключительной части крещального чина были тѣже, что и теперь (⁴). Но по велико-русскимъ требникамъ мы находимъ здѣсь нѣкоторое разнообразіе. По требникамъ болѣе ранняго времени послѣ муропомазанія прямо слѣдовало облаченіе, въ срѣдцу съ произнесеніемъ словъ: „Одѣвается рабъ Божій одѣваніемъ веселія“, и облаченіе въ верхнюю одежду съ произнесеніемъ словъ: „Да возрадуется душа моя“ и проч., и затѣмъ молитва на постряженію (⁵). Между тѣмъ въ потребнѣвахъ предняго времени и именно изданій съ 1665—1689 гг. (⁶); между муропомазаніемъ и только что указаннымъ актомъ стюить еще такого рода замѣтка: „И возлагаетъ (священникъ) крестъ з гайтаномъ, якоже истинніи хрестьяне имуть обычай, еже носити на себѣ знаменіе спасительныхъ Христовыхъ

(¹) Треб. ркп. Соп. б. № 1113, л. 101 об.; № 1112, л. 127 об.—128; № 1098, л. 21; № 1100; Треб. 1623 г., л. 177 об.; 1635 г., л. 291 об., Служ. 1622 г., л. 451 об.; 1635 г., л. 459.

(²) Требн. 1635 г., л. 291.

(³) *Мошлы*. Требб. 1646 г. стр. 59—61.

(⁴) *Idem*, стр. 66—68.

(⁵) Треб. ркп. Соп. биб. № 1105, л. 464; № 1112, л. 134 об.; № 1100; № 1109; Служ. 1623 г., л. 454 об.; 1635 г., л. 462 об.; Треб. 1622 г., л. 180 об. и т. д.

(⁶) *Филаретъ* (Пером.). «Оп. смлч. чин. по кв. изд. при перѣ. пат. патріарх.» М. 1875, стр. 31.

страстей, иже есть честнаго креста образъ на прогнаніе всякія неприязновныя дѣтели, себѣ же на сохраненіе души и тѣлу“⁽¹⁾ Одѣвіе въ срачицу въ потребникахъ этого разряда по изданіе ихъ 1636 г. совершалось безъ пѣнія ирмоса „Ризу ми подаждь“; въ потребникахъ же съ 1639 г. положено было совершать и это⁽²⁾. Послѣ облаченія въ срачицу, въ потребникахъ разсматриваемаго разряда ничего не было положено до 1639 г.; съ этого же времени послѣ указанного акта въ нихъ полагается чтеніе Евангелія и Апостола⁽³⁾. Кромѣ этого, въ потребникѣ 1639 г. и послѣдующихъ, какъ прибавленіе, сравнительно съ требниками изданій по 1636 г., положены поученія въ воспріемнику и новопросвѣщенному, „аще въ возрастѣ будетъ младенецъ“⁽⁴⁾. На конецъ, нельзя не указать здѣсь еще на одно отличіе: въ потребникѣ 1636 г. отпустъ начинается такъ: „Христось истинный Богъ нашъ“, а въ потребникѣ 1639 г. и ему послѣдующихъ сдѣлано прибавленіе: „Иже во іерлани отъ Іоанна нашего ради спасенія крестися приемыи Христось истинный“ и проч.⁽⁵⁾.

Актъ постриженія по чинамъ перваго разряда, обыкновенно, слѣдовалъ за облаченіемъ⁽⁶⁾, а по чинамъ втораго разряда—послѣ чтенія Апостола и Евангелія⁽⁷⁾. Молитва постриженія, самое постриженіе и молитва благословенія были тѣже, но распорядокъ ихъ былъ согласенъ съ преж-

⁽¹⁾ Ibidem. Треб. ркп. Сол. биб. № 1098, л. 23; Треб. 1635 г. л. 293.

⁽²⁾ Фладева (Іером.). Опытъ слжч. чиносл. стр. 82; Треб. ркп. Сол. б. № 1098, л. 23 об.

⁽³⁾ Ibidem.

⁽⁴⁾ Ibidem.

⁽⁵⁾ Ibidem.

⁽⁶⁾ Треб. ркп. Сол. б. № 1115, л. 404 об.; № 1115, л. 132; № 1100; Треб. 1623 г., л. 182; Служ. 1635 г., л. 464; 1622 г. л. 454 об.

⁽⁷⁾ Треб. ркп. Солов. биб. № 1098, л. 23 об.; Треб. 1626 г. л. 293 об.

нею практикою⁽¹⁾. Только въ требникѣ *Моиша* порядокъ въ данномъ случаѣ одинаковъ съ современной практикой⁽²⁾.

Послѣ постриженія, обыкновенно, слѣдовало возложеніе кукуля⁽³⁾. Впрочемъ, одѣваніе въ кукуль еще въ половинѣ XVII в. мало по малу стало исчезать. Такъ, по крайней мѣрѣ, даетъ право думать тотъ фактъ, что авторъ книги „*Διδος*“, вышедшей въ 1644 г.⁽⁴⁾, называетъ этотъ обычай „находящимся въ старыхъ требникахъ“⁽⁵⁾.

По возложеніи кукулы всегда слѣдовало обхожденіе вокругъ купели съ пѣніемъ: „Елицы во Христа крестистеса“, затѣмъ воцерковленіе и ектенія, гдѣ поминались царь, святитель, восприемникъ и новопросвѣщенный⁽⁶⁾. Послѣ ектеніи, въ болѣе позднихъ чинахъ, полагалось поученіе⁽⁷⁾, которое иногда полагалось и впередъ ектеніи⁽⁸⁾.

Изъ всего сказаннаго въ данномъ случаѣ за XVII в. очевидно, что заключительная часть крещальнаго чина, получившая въ Никоновскомъ изданіи требника современное изложеніе, — достигла этого не сразу, а постепенно.

(1) Требн. ркп. Солов. библ. № 1098, л. 23 об.—24; № 1115, л. 104 об.—106; № 1000; № 1112 л. 132—134; Треб. 1623 г. л. 182; 1635 г. л. 292 об.—294 об. и проч.

(2) *Моиса*. Требн. 1646 г., стр. 175.

(3) См. цит. 5, стр. 463.

(4) Рук. для сол. част. 1860 г. ч. II, стр. 237.

(5) *Идиот*, ч. III, стр. 12.

(6) См. цит. 5, стр. 463—далее.

(7) Требн. ркп. Солов. библ. № 1098, л. 26 об.

(8) Потребн. 1635 г., л. 295 об.—297 об.